

ДЭЙВ ЭГГЕРС

18+

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ДЕЯНИЯ
ИСКРОМЕТНОГО
ГЕНИЯ

От битника до Паланика

Дэйв Эггерс

**Захватывающие деяния
искрометного гения**

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.111.09(73)

ББК 83.3(7Coe)-8

Эггерс Д.

Захватывающие деяния искрометного гения / Д. Эггерс —
«Издательство АСТ», 2001 — (От битника до Паланика)

ISBN 978-5-17-123282-5

В 21 год его жизнь резко изменилась. После смерти обоих родителей он оказался единственным опекуном своего младшего брата. Их совместная жизнь безумна и неопределенна. Дэйв пытается найти себя во взрослой жизни: издает журнал, участвует в смелых арт-проектах и в меру своих представлений о «правильном» заботится о брате, а девятилетний Кристофер живет обычной подростковой жизнью, насколько это возможно в таких обстоятельствах. Именно об этом – о сиротстве и любви братьев друг к другу – Эггерс пишет в своей дерзкой, смешной и трогательной автобиографии. Хотя это не просто мемуары, а произведение захватывающей изобретательности обо всем поколении X – американской молодежи конца девяностых – начала нулевых. Сейчас Дэйв Эггерс – почетный доктор литературы, автор десяти книг и номинант Пулитцеровской премии. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111.09(73)

ББК 83.3(7Coe)-8

ISBN 978-5-17-123282-5

© Эггерс Д., 2001

© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Правила и предложения для тех, кто хочет получить удовольствие от чтения этой книги	6
Предисловие к настоящему изданию	7
Благодарности	13
Неполный пояснительный указатель символов и метафор	24
I.	26
II.	51
III.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дэйв Эггерс

Захватывающие деяния искрометного гения

© David («Dave») K. Eggers, 2000, 2001

© Перевод. А. Анастасьев, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Опубликовано в США издательством «Винтидж Букс», подразделением «Рэндом Хаус, Инк.», Нью-Йорк. «Рэндом Хаус» *целиком* принадлежит крупнейшей немецкой компании «Бертельсманн А.Г.», которая владеет слишком многим, всего не перечислить. Тем не менее, независимо от того, насколько велики такие компании, чем бы ни владели, сколько бы ни зарабатывали, их влияние на повседневную жизнь и души людей, как и влияние 99 процентов того, что делают официальные лица в таких городах, как Вашингтон, или Москва, или Сан-Паулу, или Окленд, их влияние на короткую, полную опасностей жизнь людей, которые бредут по жизни, спят и видят сны, где плавают в кровотоке, которые любят запах резинового клея, а во время полового акта мечтают о полетах в космос, очень и очень мало, и поэтому вряд ли о нем стоит беспокоиться.

Часть данной книги в несколько иной форме печаталась в журнале «Нью-Йоркер».

Впервые опубликовано в США немного в другом виде в 2000 г. издательством «Саймон и Шустер», Нью-Йорк.

Примечание. Это художественное произведение является вымыслом только в тех многих случаях, когда автор не мог вспомнить точных фраз, сказанных определенными людьми, и точного описания определенных предметов, так что ему пришлось заполнять пробелы. В остальных случаях все персонажи, события и диалоги реальны, не являются плодом воображения автора, поскольку на момент написания данной книги у автора не было никакого воображения для такого рода вещей и он не мог *придумать* историю или персонажей – это для него было бы равносильно вождению автомобиля в костюме клоуна, – особенно когда он мог многое рассказать о своей жизни – правдивой, печальной и вдохновляющей, о реальных людях, которых он знал, и, конечно, о впечатляющих выкрутасах своего захватывающего и сложного ума. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, должно быть очевидным для них и тех, кто их знает, особенно если автор был достаточно любезен, чтобы указать их настоящие имена и в некоторых случаях еще и телефонные номера. Все описанные здесь события действительно происходили, хотя иногда автор позволял себе некоторые, очень небольшие, вольности с хронологией, но это его право как американца.

Прежде всего:

Я устал.

Сердце мое чисто!

А также:

Вы устали.

Сердце ваше чисто.

Правила и предложения для тех, кто хочет получить удовольствие от чтения этой книги

- Крайней нужды читать это предисловие нет. Seriously, нет. Оно написано главным образом для самого автора, а также ради тех, кто, дочитав до конца эту книгу, почему-либо обнаружил, что читать им больше нечего. Если же вы уже прочли это предисловие и пожалели об этом, приносим свои извинения. Надо было предупредить еще раньше.

- Точно так же нет чрезмерной необходимости в том, чтобы читать раздел, в котором автор выражает свою признательность тем, кто помог в работе над этой книгой. Многие из ее первых читателей (см. стр. XLII) предлагали что-то сократить, что-то поменять местами, но предложения эти были отвергнуты. В любом случае для сюжета книги этот раздел скольконибудь существенного значения не имеет, и если, как и в случае с предисловием, вы уже прочли его, опять-таки приносим извинения. Надо было как-то дать знать.

- Равным образом, если у вас плохо со временем, можно пропустить содержание.

- Помимо того, многим из вас, наверное, захочется пропустить большой кусок из середины книги, а именно страницы 238–353, где описывается жизнь людей, которым чуть за двадцать, а жизнь в эти годы очень трудно изобразить так, чтобы она была интересна другим, хотя тем, кто этой жизнью жил, она казалась весьма интересной.

- По совести говоря, кое-кого из вас вполне могут удовлетворить первые три-четыре главы. То есть вы можете прервать чтение где-то в районе 121 страницы – нормальный объем для повести. Эти первые четыре главы посвящены одной общей теме, которую легко «переварить»; об оставшейся части книги этого не скажешь.

- Эта оставшаяся часть написана несколько неровно.

Предисловие к настоящему изданию

Что бы там автор ни заявлял в других местах, эта книга не является по-настоящему документальным произведением. Многие ее части представляют собой вымысел – в разной степени и разные цели преследующий.

Диалоги. Они, конечно, почти полностью переработаны. Сохраняя верность действительности – кроме тех случаев, когда персонажи вываливаются из своего пространственно-временного континуума, чтобы поразглагольствовать о самой книге, – диалоги эти воссозданы, однако, по памяти. Таким образом, их ограничивают и возможности этой самой памяти, и воля авторского воображения. Все слова и предложения, данные от первого лица, были пропущены через конвейер, сконструированный примерно таким образом: 1) их вспомнили; 2) их записали; 3) их переписали, чтобы они звучали более точно; 4) их подвергли редактуре, дабы они звучали более естественно в предлагаемых обстоятельствах (не отклоняясь при этом от подлинного смысла высказывания); 5) их подвергли редактуре по второму разу, чтобы избавить автора и персонажей от неловкости, каковая неизбежно возникла бы, если б прямая речь, которая почти неизменно начинается со слова «чувак», – например, «чувак, она померла!» – была перенесена на бумагу в своей первозданности. Примечательно, однако, что самые неправдоподобные диалоги – вроде разговоров с латиноамериканскими подростками или с несчастной обманутой Дженной – как раз ближе всего к действительности.

Персонажи и их характеристики. Скрепя сердце автор вынужден был изменить несколько имен и далее по ходу всего повествования скрывать реальных людей за псевдонимами. Самый выразительный пример в этом смысле – некто Джон, чье имя на самом деле вовсе не Джон. Дело в том, что реальный прототип законно восстал против того, чтобы некоторые темные стороны его биографии вытаскивали на свет. Впрочем, прочитав рукопись, он разрешил «передать» свои поступки и слова условному «другому». Тем более что персонаж являет собою не точную копию, а скорее... амальгаму. С Джоном все именно так. Для правдоподобия характера и в интересах всего повествования пришлось осуществить нечто вроде эффекта домино, – то есть позволить себе в иных случаях дальнейший вымысел. Например, в реальной жизни Мередит Вайсс (реальная личность) не так уж близко знакома с Джоном. На самом деле посредником в этой истории выступила вовсе не Мередит, а другой человек, но его появление обнажило бы кое-какие связи и, более того, выдало бы бедного Джона, чего нельзя допустить. В общем, автору пришлось позвонить Мередит:

– Привет.

– Привет.

– Ты не против, если тебе придется делать [то-то и то-то] и говорить [то-то и то-то], чего на самом деле ты не делала и не говорила?

– Да нет, ничуть не против.

Как-то так. При этом следует отметить, что сцена в главе 5, где Мередит играет ключевую роль, не вымышлена. Можете сами спросить ее. Она живет в Южной Калифорнии.

Во всех остальных случаях указания на изменения имен содержатся в тексте. Идем дальше.

Место и время. В некоторых случаях место действия изменено. Особенно этой касается главы 5, где подмена случается дважды. Разговор с Дженной, в котором рассказчик сообщает ей, что Тоф сначала выстрелил из винтовки в школе, а затем скрылся, на самом деле произошел не в тот вечер и не там, где описано, а на заднем сиденье машины, ехавшей с одной вечеринки на другую накануне нового, 1996-го, года. В этой же главе, но чуть дальше, рассказчик и упомянутая Мередит встречаются на берегу залива Сан-Франциско с несколькими молодыми людьми. На самом деле этот эпизод, во всем остальном полностью достоверный, произошел

в Лос-Анджелесе. Кроме того, в этой главе, как и в некоторых других, течение времени было ускорено. Как правило, на это указывается в тексте; здесь мы лишь заметим, что в последней трети книги многое, как может показаться, происходит в сжатый отрезок времени, и хотя в большинстве случаев это соответствует действительности, есть и исключения. Следует особо отметить, что в главах 1, 2, 4 и 7 никаких временных сдвигов нет.

Название. Ну да, о названии. Отец автора любил выражаться примерно так: «Кто величайший адвокат в мире?» – вопрошал он, влетая в дом после рабочего дня. Скорее всего, величайшим адвокатом в мире он не был, но день у него прошел хорошо, и привычка излагать не такие уж выдающиеся достижения чрезмерно возвышенным стилем стала семейной традицией. Отдавая дань этой традиции и развивая ее, автор и назвал эту книгу – этот саморазоблачительный бред – так, как назвал.

Замечание о школе «Колумбайн». Эта книга была написана, а слова, в ней звучащие, произнесены задолго до трагических событий в этой школе¹ и непосредственно за ее пределами. Легкомысленного тона, сознательно или нет, по отношению к таким вещам здесь нет.

Пропуски. По просьбе некоторых супругов и людей, состоящих между собою в близких отношениях, автор выпустил некоторые отличные эротические сцены. Также он убрал удивительный – и на сто процентов правдивый – эпизод с участием большинства главных героев этой книги и одного кита. И вообще, в настоящем издании опущен целый ряд фраз, абзацев и отрывков.

Например:

С. 36

Мы лежим, и остается лишь несколько часов (тянующихся, впрочем, долго), в течение которых будут спать Бет, и Тоф, и моя мать. Я большую часть этого времени бодрствую. Я люблю темноту ночи, особенно время между двенадцатью и половиной пятого, когда вокруг царит пустота, когда потолки твердеют и уходят вверх. Тогда, пока остальные спят, я могу дышать, думать, в какой-то мере могу даже останавливать ход часов так, чтобы – давняя моя мечта – кропотливо трудиться ради тех, кто находится в глубоком забытии, подобно тому как эльфы мастерят туфельки для детей, пока те спят.

Лежа, вымокший до нитки, в этой янтарного цвета комнате, я думаю, удастся ли мне задремать под утро. Мне кажется, удастся. Мне кажется, я смогу поспать, скажем, часов с пяти до десяти, пока не появятся, чтобы прибраться, медсестры. Так что сейчас можно и пободрствовать.

И все же этот диван с хлипким матрасом убивает меня. Металлическая перекладина впиивается мне в спину, давит на хребет, прямо-таки размалывает его. Тоф ворочается, брыкается. А с противоположной стороны комнаты доносится *ее* неровное дыхание.

С. 124

Как все это вынести? Биллу нужно по каким-то делам, мы с ним и с Тофом едем на машине по мосту через залив Сан-Франциско и говорим про биржевые операции. Про то, что, проведя выходные на Манхэттене с Биллом и двумя его приятелями-брокерами, Тоф тоже захотел стать брокером. Билл, узнав об этом, страшно возбуждается, хочет купить ему пару подтяжек, карманный биржевой тикер...

---

¹ Речь идет о массовом убийстве в школе «Колумбайн» в апреле 1999 года, когда двое старшеклассников застрелили двенадцать учеников и одного учителя и ранили еще двадцать три человека, после чего застрелились сами. – *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

«Мы подумали, что Тоф с его талантом к математике и всему такому может сделать на этом поприще блестящую карьеру...»

Я едва не вылетел из машины и не упал с моста.

С. 197

Почему леса?

Понимаете, мне нравятся строительные леса. Мне нравятся строительные леса не меньше, чем само строительство. Особенно если эти леса красивы. В своем роде, конечно.

С. 207

Алкоголизм и ощущение смерти делают человека всеядным, одновременно беззаботным и пугливым, аморальным, несчастным.

Ты действительно в это веришь?

Иногда. Конечно. Нет. Да.

С. 216

...Еще в школе я нарисовал целую серию портретов членов нашей семьи. Первый – Тофа, с фотографии, которую сам же и сделал. По заданию ради точности следовало разделить изображение на клетки, так что картина, выполненная темперой, получилась то что надо. В результате он на ней как живой. Чего нельзя сказать об остальных – ведь их фотографий, разделенных на клетки, у меня не имелось. Я нарисовал Билла, но выражение лица получилось слишком нарядным, глаза слишком темными, волосы взлохмаченными, как у Цезаря, но совершенно не как у брата. Портрет Бет, выполненный со снимка, где она в выпускном платье, тоже не получился – кроваво-красная кожа на фоне розовой тафты; его я отбросил сразу. На старом диапозитиве мамы и папы они в пасмурный день сидят в лодке. Большую часть снимка занимает мама, она смотрит в объектив, а отец выглядывает из-за ее плеча; он сидит в центре лодки, не подозревая – или только делая вид, что не подозревает, – о съемке. Рисунок, сделанный с этого диапозитива, я тоже забраковал – никакого сходства. Всякий раз, когда мои творения попадались на глаза кому-нибудь из родственников, они брезгливо отводили взгляд. Билл, тот вообще пришел в ярость, увидев свой портрет в публичной библиотеке. «Это вообще законно? – возвал он к отцу-юристу. – Что он намалевал? Я здесь сущее чудовище!» И он был прав. Действительно чудовище. Так что, когда на первом курсе Рики Сторр попросил меня нарисовать портрет его отца, я заколебался – ведь меня постоянно мучила неспособность изобразить человека, не искажая черт его лица. Все получалось как-то неловко, бездарно. И все же я уступил Рики – из уважения. Даже испытал волнение от оказанной мне чести написать портрет его отца на память. Короче, Рики принес мне черно-белую фотографию с каких-то документов, и я взялся за дело. Изо дня в день, целыми неделями, наносил мазок за мазком. В конце концов работа была окончена, и, на мой взгляд, сходство портрета с оригиналом отрицать было невозможно. Я сказал Рики, что дело сделано, и пригласил его в университетскую мастерскую. В тот день он пообедал рано и вскоре был на месте. Я повернул рисунок, сияя и ожидая, как сейчас мы оба расцветем от счастья.

Наступило молчание. Затем он сказал:

– Так. Так. Это не то, чего я ожидал. Это не... то, чего я ожидал.

С этими словами Рики вышел из комнаты, оставив меня с портретом наедине.

С. 217

Всякий раз, проезжая мимо какого-нибудь кладбища, мы в изумлении, прямо-таки не веря глазам своим, цокали языками. Особенно если кладбище было большое, со множеством могил, неухоженное, почти без деревьев – сплошная серость, какая-то чудовищная пепель-

ница. Тоф в такие моменты отворачивался, а я смотрел, но только для того, чтобы все запомнить и подтвердить данное самому себе обещание, что никогда не окажусь в таком месте и никого там не похороню, – кому нужны все эти кладбища? Кому они могут дать покой? Никогда не позволю похоронить себя в таком месте, уж лучше я исчезну вовсе...

Мне часто является в видениях собственная смерть. Когда станет ясно, что осталось недолго, – допустим, у меня найдут СПИД (по-моему, он у меня есть; если кто вообще и болен СПИДом, так это я), – короче, когда время наступит, я просто уйду, попрощаюсь и уйду, а потом брошусь в жерло вулкана.

Не то чтобы в мире вообще не существовало подходящих мест для захоронения, но эти муниципальные кладбища, да коли уж на то пошло, любые кладбища вроде тех, что лепятся к шоссе, или тех, что расположены в центре города (тела там, надгробия), – разве все это не примитив и не вульгарность? Яма, ящик, каменная глыба на траве. А мы устраиваем целую пышную церемонию, нам кажется, что она тут к месту, что в ней есть суровая красота, и вот мы собираемся у края ямы и опускаем в нее ящик. Немыслимо. Варварство и унижение.

Хотя справедливости ради надо сказать, что однажды мне попало подходящее, судя по всему, место. Я шел – следовало бы сказать «совершал пешую экскурсию», если бы мы не просто гуляли, а делали что-то еще, но поскольку это была именно прогулка, данного выражения я не употребляю, хотя всякий, кто выходит на природу и оказывается там, где имеется слегка пересеченная местность, чувствует потребность именно его-то и употребить, – так вот, я шел по лесу, примыкающему к Карапе, притоку Амазонки. Вместе с еще несколькими журналистами (двое были из журнала «Рептилии») я на халяву присоединился к герпетологам – целой компании вооруженных фотокамерами упитанных американцев – специалистов по рептилиям. Они потащили нас с собой в этот лес, и мы поднимались по извилистой тропе в поисках удавов и ящериц. После примерно сорока пяти минут подъема по чаще, сквозь которую с трудом, бросая на землю редкие пятна, пробивалось солнце, деревья вдруг расступились, и мы оказались на прогалине, прямо над рекой. Видно было оттуда, без преувеличения, на добрую сотню километров во все стороны. Солнце садилось, и огромное небо над Амазонкой светилось длинными голубыми и оранжевыми полосами, наугад, вперемешку, словно кто-то оставил следы краски на бумаге. Внизу река медленно несла свои воды цвета жженого сахара, а на том берегу опять начинались джунгли, первозданный зеленый хаос цвета брокколи, простирающийся куда глазу видать. Прямо перед нами из земли поднималось десятка два простых некрашенных крестов без всяких надписей. Место захоронения здешних сельчан.

И вот мне подумалось, что здесь и я мог бы упокоиться. Что если мне суждено быть похороненным, то пусть труп, покрытый глиной, истлевет в этом месте. В окружении здешних видов и всего остального.

И по времени все тоже как-то странно сошлось: в тот же самый день, немного раньше, я был почти уверен, что уже покидаю сей мир, – из-за пираний. Наша яхта – трехпалубное речное судно – бросила якорь в небольшой укромной бухте, и местные гиды решили половить пираний на обыкновенные удочки с наживкой из куриного мяса. Пираньи клонули сразу. Получилось настоящее пиршество – они буквально запрыгивали из воды на борт, злобно скаля острые зубки. А с другой стороны яхты плавал наш американский гид, бородатый парень по имени Билл. Из-за чайного цвета воды те части его тела, что находились под водой, приобрели красный оттенок, что представляло тем большую опасность, что он находился посреди косяка пираний.

– Давайте сюда! – крикнул он.

О господи, только не это.

Тем не менее все «дали туда», и тела упитанных герпетологов тоже окрасились в кроваво-чайный цвет. Я слышал, что пираньи нападают на людей крайне редко (хотя бывают исключения), что бояться нечего, поэтому вскорости и я прыгнул в реку вслед за остальными,

утешая себя тем, что, если на этих существ нападет жор, мои шансы по крайней мере выше, чем если бы я был один, – пока они поедают кого-то еще, у меня будет время спастись. Без шуток, я произвел расчет – сколько времени понадобится рыбам, чтобы сожрать четверых моих спутников, и сколько времени нужно мне, чтобы выбраться на берег. Через три-четыре минуты, каждая из которых была до краев насыщена страхом, стараясь не касаться ступнями илистого дна и вообще делая как можно меньше движений, дабы не привлекать к себе внимания, я вышел из воды. Потом забрался в выдолбленное из цельного ствола каноэ одного из гидов. Еще раньше в него пытался залезть кто-то из герпетологов, но ни один не удержался, все падали обратно в воду. Я же подумал, что со своей исключительной ловкостью наверняка не перевернусь. И какое-то время у меня это действительно получалось. Я уселся поудобнее, оттолкнулся от борта яхты и, работая небольшим веслом, поплыл вниз по течению – весь такой ловкий и грациозный.

Но метров через двести каноэ начало тонуть. Я оказался слишком увесистым. Лодка все больше наполнялась водой.

Я оглянулся на яхту. На борту, истерически хохоча, струдились перуанские гиды. Я погрузился в мутную воду, течение увлекало меня все дальше, а они, согнувшись пополам, давились от смеха. Они были в восторге.

Каноэ погрузилось носом в воду, я вылетел наружу; дело происходило на середине реки, где гораздо глубже, чем у берега, а вода еще мутнее, так что даже собственные конечности различить трудно. Я в отчаянии влез на опрокинутое суденышко.

Все, конец, думаю. Там, рядом с яхтой, пираньи нас не тронули, но разве можно ручаться, что здесь они не отхватят палец-другой. Они часто начинают с пальцев на руках и ногах, звереют от крови, а дальше...

О боже всемогущий, Тоф...

Каноэ еще держалось на плаву, но скоро оно под моей тяжестью окончательно пойдет на дно, я вновь окажусь в воде, кишашей пираньями, мои судорожные движения (я пытался свести их к минимуму, только шевелил ногами, чтобы удержаться) привлекут их внимание, они постепенно подберутся ко мне со всех сторон, начнут впиваться зубами в икры и живот, а дальше, когда плоть моя будет изъедена и кровь струями потечет наружу, налетит целое полчище, добрая сотня, я увижу собственные истерзанные конечности, и от меня останутся одни кости – за что все это? За то, что я решил продемонстрировать удаль, в которой не уступаю заправскому перуанскому гиду...

И я опять подумал о бедном Тофе, об этом мальчике. Они вместе с сестрой сейчас находятся за тысячи километров отсюда...

Как я могу его покинуть?

С. 218

[М]оя мать каждый вечер читала романы ужасов. Она перебрала все, сколько их было в библиотеке, до единого. С приближением ее дня рождения или там Рождества я начинал прикидывать, что бы ей купить из новенького, последний роман Дина Р. Кунца² или Стивена Кинга³? Но я не мог! Я не хотел поощрять ее. Не мог я прикоснуться и к отцовским сигаретам, не мог глядеть на блоки «Пэлл-Мэлл» в кладовке. Я был из тех детей, кто не способен смотреть даже рекламу ужастиков по телеку. Например, после рекламы «Магии» – фильма, где детей убивают марионетки, – меня полгода мучили ночные кошмары. Точно так же не мог я заставить себя глядеть и на книги, которые читала мама. Я переворачивал их обложкой вниз,

---

² Дин Рэй Кунц (р. 1945) – американский писатель, автор фантастических остросюжетных романов.

³ Стивен Кинг (р. 1947) – американский писатель, автор рассказов, повестей и романов в основном в жанрах ужасы, триллер, мистика.

чтобы не видеть тисненых заглавий и пятен крови – особенно пугали сочинения Вирджинии Эндриус⁴ с кричащими, жуткими изображениями застывших в неподвижности ребятишек в голубом свете.

С. 413

Билл, Бет, Тоф и я смотрим новости. Короткий сюжет про бабушку Джорджа Буша. Судя по всему, в связи с днем ее рождения.

Мы спорим о возрасте бабушки человека, которому самому под семьдесят. Кажется невероятным, что она все еще жива и дышит.

Бет переключает на другой канал.

– Смотреть невозможно, – говорит она.

С. 427

[О]на жила словно бы в никогда не прекращающемся моменте. Постоянно приходилось объяснять ей, что происходит, как она здесь оказалась, что можно и чего нельзя делать в сложившейся ситуации. По десять раз на дню приходилось отвечать на одни и те же вопросы – Что заставило меня? Чья в этом вина? Как я сюда попала? Кто эти люди? И пересказывать *тот* несчастный случай – широкими мазками – и постоянно напоминать, потому что она всегда забывала...

Нет, не забывала. Просто была не способна усваивать информацию...

Но кто способен? Черт возьми, она же жила на свете и понимала это. Ее голос всегда звенел, и взгляд с любопытством останавливался на каждой мелочи, на всем, даже на моей прическе. Она по-прежнему узнавала предметы, среди которых жила годами, и могла к ним прикоснуться – эта часть ее памяти оставалась не поврежденной. И пусть мне хотелось наказать тех, кто во всем этом виноват, пусть я лелеял в себе это желание и думал, что никогда не устану мечтать об этом, – сама наша близость, такая тесная, что можно дотронуться рукой и ощутить ток крови под кожей, умеряла мою ненависть.

Музыка со стороны бассейна зазвучала по-новому.

– Ой, как я люблю эту песню, – сказала она, покачивая в такт головой.

Ну и, наконец, в данном издании по просьбе автора все ранее имевшиеся эпиграфы, в том числе: «Неутолимая жажда сердца – познать все и простить всех» (*Генри Ван Дайк*); «[Мои стихи] могут ранить мертвых, но с мертвыми я разберусь сама» (*Энн Секстон*); «Не всякий ребенок, брошенный на съедение волкам, становится героем» (*Джон Барт*); «Все будет забыто, и ничто не повторится» (*Милан Кундера*); «Почему бы просто не написать о том, что произошло?» (*Роберт Лоуэлл*)⁵; «Эй, вот и я, меня зовут Дэйв, я пишу книгу! В ней все мои мысли! Ла-ла-ла! Ура!» (*Кристофер Эггерс*) – убраны, ибо он, в сущности, никогда не считал себя человеком, которому нужны эпиграфы.

---

⁴ Клео Вирджиния Эндриус (1923–1986) – американская писательница, романистка, художник и иллюстратор. Сюжеты романов Эндриус вращаются вокруг семейных тайн и часто затрагивают тему инцеста, чаще всего между братьями и сестрами, а на обложках часто изображены дети.

⁵ Генри Ван Дайк (1852–1933) – американский писатель, поэт, дипломат и священнослужитель. Энн Сэкстон (1928–1974) – американская поэтесса и писательница, лауреат Пулитцеровской премии. Джон Барт (р. 1930) – американский писатель, поэт-модернист, один из основоположников «школы черного юмора». Милан Кундера (р. 1929) – французский писатель чешского происхождения. Роберт Лоуэлл (1917–1977) – американский поэт, драматург и литературный критик.

Благодарности

Прежде и более всего автор хочет выразить признательность друзьям из НАСА и Корпуса морской пехоты США за их громадную поддержку и бесценную помощь во всем, что касается технических аспектов данного повествования. Les saludo, muchachos!⁷ Он также благодарен всем тем, кто, раздвигая границы великодушия, дал согласие на использование в этой книге своих подлинных имен и поступков. По понятным причинам это вдвойне относится к родным автора, особенно к его сестре Бет, чьи воспоминания в большинстве случаев отличаются большей яркостью, нежели самого автора. И втройне – к Тофу (произносится «Тооф», с длинным «о»). Автор не выделяет особо своего старшего брата Билла, потому что он разделяет убеждения республиканцев. Автор к тому же должен признать, что он не лучшим образом выглядит в красном. Равно как и в розовом, или оранжевом, или даже желтом – у него же не весенний тип внешности. И еще до прошлого года Билл считал, что Ивлин Во – это женщина, а Джордж Элиот⁸ – мужчина. Далее пишущий эти строки, а также все, кто способствовал созданию этой книги, вынуждены заметить, что, пожалуй, и вправду сегодня появляется, возможно, слишком много текстов мемуарного типа и что все эти тексты, описывающие подлинные события и реальных людей, в противоположность вымышленным историям внутренне мерзки, порочны, неправильны, зловредны и дурны. Однако напоминаем всем и каждому, что мы, читатели и писатели, делаем вещи и похуже.

Занятная история. Как-то примерно в середине работы над этими... этими... *мемуарами* к автору, зашедшему в ресторанчик в ковбойском стиле и заказавшему большое блюдо ребрышек с жареной картошкой, подсел знакомый. Он устроился напротив, спросил, что нового, как дела, работает ли автор над чем-нибудь новеньким и т. д. Последний ответил, да, работает, пишет книжицу, то да се... Здорово, – сказал знакомый, на котором была спортивная куртка из материала, похожего (впрочем, возможно, дело было в освещении) на пурпурный велюр. А что за книжица? – поинтересовался знакомый (назовем его, допустим, Освальдом). О чем она? – спросил Освальд. Ну как сказать, с прежним красноречием ответил автор, на словах не объяснишь, похоже не мемуары... *О нет, только не это!* – пылко перебил его знакомый (возможно, вам будет интересно узнать, что волосы Освальда были уложены перьями). *Не говори, что ты попал в эту ловушку!* (и ниспадали на плечи в стиле «Подземелья и драконов»⁹) *Мемуары! Не смеши меня, старик!* Какое-то время он продолжал разглагольствовать в том же духе, с использованием современного сленга, пока автору стало немного не по себе. В конце концов, подумал он, быть может, Освальд в своем пурпурном велюре и коричневых вельветовых штанах прав, быть может, мемуары это и впрямь *Плохо*. Быть может, изложение реальных событий от первого лица, если только дело происходит не в Ирландии и тебе еще не исполнилось семьдесят, это да, *Плохо*? В его словах был смысл! В надежде сменить тему автор спросил Освальда, – однофамильца человека, который убил президента¹⁰, – а над чем работает он (Освальд был в своем роде профессиональным писателем). Само собой автор одновременно ожидал и опасался, что Освальд трудится над чем-то чрезвычайно важным и масштабным – например, над опровержением кейнсианской экономической модели или новой версией «Бео-

---

⁷ «Привет вам, парни!» (исп.)

⁸ Ивлин Во (1903–1966) – английский писатель-романист, журналист, литературный критик. Джордж Элиот (1819–1880) – псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс.

⁹ «Подземелья и драконы» – настольная ролевая игра в жанре фэнтези.

¹⁰ Речь идет о Ли Харви Освальде (1939–1963) – единственном официальном подозреваемом в убийстве 35-го президента США Джона Кеннеди.

вульфа» (на сей раз изложенной с точки зрения ближайшей елки¹¹), ну и все такое прочее. Но знаете, что он ответил, что сказал этот человек с укладкой в стиле 70-х и в пурпурном велюре? Он сказал: сценарий. Он не выделил это слово курсивом, но мы сделаем это за него: *сценарий*. Что за сценарий? – спросил автор, который не имел ничего против сценариев, любил кино и то, как в его зеркале отражаются ужасы нашего общества, и все такое прочее, – он все равно внезапно почувствовал себя немного лучше. Ответ: сценарий «про Уильяма С. Берроуза¹² и наркотики». Ну, тучи внезапно рассеялись, засияло солнце, и автор снова утвердился в своей мысли: даже если идея описания правдивой истории – это плохая идея, даже если рассказ о смерти родных и, как результат, разочарованиях не интересен никому, кроме одноклассников автора и пары-тройки слушателей курсов писательского мастерства в Нью-Мехико, все равно есть идеи *куда, куда хуже*. К тому же если вас беспокоит, что все описанное правда, делайте то, что и автору следовало бы сделать, и что делали писатели и читатели испокон веков:

притворитесь, что все это выдумка.

В общем, у автора есть предложение. Те из вас, кто на стороне Освальда, могут сделать следующее: если вы пришлете автору экземпляр этой книги в твердом переплете или мягкой обложке и десять долларов (чек должен быть выписан на имя Д. Эггерса), он отправит вам диск с полным текстом книги, но с измененными именами и названиями места действия, так что понять, кто есть кто, смогут лишь те, о чьих жизнях идет речь, пусть в слегка закамуфлированном виде. *Voilà!* Вымысел! Далее: цифровая версия будет, как и положено, интерактивна. (Эй, может, вам приходилось слышать о новейших микрочипах размером с молекулу? Таких, которые выполняют те же операции, что и все компьютеры испокон веков, только за одну секунду и занимают места с крупицу соли. Можете себе представить? Ну, так это чистая правда: технологии меняют нашу жизнь.) Имея дело с цифровой версией, вы для начала можете выбрать имя главного героя. Мы можем предоставить на выбор кучу возможностей, в том числе «Писатель», «Автор», «Журналист» или, скажем, Пол Теру¹³; а хотите – придумайте сами! Собственно, пользуясь автозаменой, читатели могут по собственному усмотрению менять имена всех, начиная с главных героев и заканчивая эпизодическими персонажами. (Это может быть книга про *вас!* Про вас и *ваших* друзей.) Всех, кого интересует художественная версия этой книги, просим высылать экземпляры по адресу: З.Д.И.Г. Особое предложение для любителей беллетристики. «Винтидж Букс», 299, Парк-авеню, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10171. ПРИМЕЧАНИЕ: данное предложение – не шутка. ХОТЯ: к сожалению, присланные экземпляры возврату не подлежат. ВЗАМЕН: они будут распродаваться со скидкой.

Далее: автор хотел бы признать существование планеты сразу за Плутоном, и затем, на основе собственных нерегулярных исследований и убеждений, вновь закрепить планетарный статус Плутона. *Зачем мы так поступили с Плутоном?* Ведь у нас были с Плутоном добрые отношения. Автор желает признать, что, поскольку эта книга является в некотором роде обыкновенной забавой, любому позволено отбросить ее в сторону. Автор желает признать, что у вас могут возникнуть проблемы с названием. У него тоже есть на этот счет некоторые оговорки. Название, которое вы видите на обложке, было выбрано в итоге анонимного голосования, проведенного на окраине Финикса, штат Аризона, в декабре 1998 года. Вот варианты, которые были по тем или иным причинам отвергнуты: «Захватывающие деяния смерти и смятение» (по

¹¹ В романе Джона Гарднера «Грендель» (1971) основные события англосаксонского эпоса «Беовульф» представлены с точки зрения чудовища Гренделя.

¹² Уильям Сьюард Берроуз (1914–1997) – американский писатель, один из известнейших битников.

¹³ Пол Теру (р.1941) – американский писатель, автор псевдоавтобиографии «Моя другая жизнь» (1996).

сути верно, но звучит коряво); «Поразительные примеры мужества и силы» (Стивен Эмброуз¹⁴ мог за такое название подать на нас в суд); «Воспоминания о католическом детстве» (было сочтено более или менее приемлемым); наконец, «Старые и черные в Америке» (пожалуй, рискованно). Вообще-то мы склонялись как раз к последнему варианту, поскольку он и намекал на взросление, и отвечал бы американскому представлению об *инаковости*, но его сразу же отклонил издатель, в результате чего мы и остановились на «Захватывающих деяниях искромётного гения». Да, заглавие привлекло ваше внимание. Сначала вы приняли его за чистую монету и сразу купили книгу. «Именно такую книгу я искал!» Многие из вас, особенно те, кто любит сантименты и мелодраму, сразу остановились на слове «Захватывающий». Другие усмотрели в «искромётном гении» что-то напоминающее полезный совет. Но затем вам пришло в голову: послушайте, а как, собственно, одно сочетается с другим? Или это похоже на кокосовое масло и шоколад, шотландскую клетку и турецкий огурец, которые никогда не смогут мирного сосуществовать? Скажем, если книга действительно захватывает, то зачем портить читателю настроение буффонадой? Или если, напротив, название – это какая-то хитроумная шутка, зачем впадать в сентиментальность? Что уж говорить о фальшивом (или искреннем)? Нет! – наверняка вызываете вы. – Пожалуйста, не надо!) хвастовстве всего заголовка вместе взятого. В конце концов, единственная логичная интерпретация этого названия такова: а) это глупая шутка, б) в надежде на интерес к неуклюжей новизне заголовка (должной, как можно заподозрить, поразить читателя), хотя в) все портит дурновкусие шутки и г) ощущение того, что автор-то как раз смертельно серьезен в своем восприятии заголовка как точного отражения содержания, намерения и качества книги. Ой, да ну разве все это теперь имеет значение? Разумеется, нет. Вы здесь, мы вместе, у нас вечеринка! Автор хотел бы признаться, что в 1996 году голосовал за Росса Перо¹⁵, ибо он (автор) является поклонником богатых и безумцев, особенно когда сердце у них обливается, как у мистера Перо (а у него точно обливается), кровью. Также автор считает себя обязанным признать, что да, успех мемуаров – как и любой книги – в большой степени зависит от привлекательности образа повествователя. В этом плане автор предлагает читателю следующее:

- а) представить себе, что он похож на вас;
  - б) что, подобно вам, он засыпает почти сразу же, как напьется;
  - в) что иногда занимается сексом, не используя презерватив;
  - г) что иногда, напившись, он засыпает во время секса без презерватива;
  - д) что он не устроил родителям должных похорон;
  - е) что он так и не закончил колледж;
  - ж) что он рассчитывает умереть молодым;
  - з) что, поскольку его отец пил и курил и поэтому умер, он опасается пищи;
  - и) что он улыбается при виде молодых чернокожих мужчин с детьми на руках.
- Короче – привлекательная личность.
И ведь это только начало!

А теперь автор хотел бы признать, что главные темы его книги – это:

А) Невысказанная магия исчезновения родителей

Это мечта каждого ребенка и каждого подростка. Иногда она рождается из обиды. Иногда – из жалости к самому себе. Иногда из потребности во внимании. Обычно все три фактора играют роль. Суть же в том, что в тот или иной момент каждый мечтает о смерти родителей и задумывается, каково это остаться сиротой наподобие Энни¹⁶ или Пеппи Длинный Чулок, а из

¹⁴ Стивен Эмброуз (1936–2002) – американский историк, автор популярных книг по истории США, биограф президентов Дуайта Эйзенхауэра и Ричарда Никсона. Его книги отличаются торжественностью заголовков.

¹⁵ Росс Перо (1930–2019) – американский бизнесмен и филантроп, независимый кандидат на пост президента США в 1992 и 1996 гг.

¹⁶ Речь идет о героине мюзикла «Энни» по комиксу «Маленькая сиротка Энни».

более свежих примеров – прекрасных трагических персонажей из телесериала «Нас пятеро»¹⁷. Воображаешь, как взамен непредсказуемо проявляемой или чаще скрываемой любви родителей тебя внезапно омывает волна любви и внимания со стороны земляков, родичей, друзей, учителей – всего мира, внезапно проникшегося сочувствием к осиротевшему ребенку, так что его жизнь превращается в жизнь знаменитости, с добавлением доли пафоса; когда трагедия порождает славу – ничего лучшего пока не придумано. Для большинства это мечта, кое для кого реальность; в этой книге, как и в книге о Пеппи, это подлинная жизнь. Так невосполнимая утрата оборачивается одновременно постоянной борьбой и ожесточением сердца, но также и безусловными обретениями, начиная с абсолютной свободы, о которой можно судить по-разному и которой можно пользоваться множеством способов. И хотя трудно себе представить, что утрата обоих родителей происходит в течение тридцати двух дней, – вспоминается реплика из пьесы «Как важно быть серьезным»¹⁸: «Утрата одного из родителей, мистер Уортинг, может быть сочтена бедой. Но утрата обоих сильно отдаёт безответственностью», – утрата, ставшая результатом абсолютно разных заболеваний (да, безусловно, в обоих случаях это рак, но различный в смысле пораженных органов, продолжительности и причин), вызывает неумную, разумеется, сопровождаемую чувством вины, охоту к перемене мест, а также чувство бесконечных возможностей, когда внезапно оказываешься в мире, где нет ни пола, ни потолка.

Б) Братская любовь/странный симбиоз

Эта тема пронизывает все повествование, она изначально должна была разрешиться неожиданным финалом, впечатляющей развязкой, суть которой сводится к тому, что покуда автор мечтает о любви – этому будут посвящены несколько эпизодов, а его брат мечтает, ну, о чем мечтают дети (жевательной резинке, леденцах?), и оба они стараются жить нормальной, счастливой жизнью, в действительности им так и не удастся наладить отношения с внешним миром, потому что люди, которыми они по-настоящему восхищаются, и кого любят, и в ком видят воплощенное совершенство, друг для друга – это только они сами.

В) Болезненный и непреодолимый комплекс скромности

Это, наверное, не нуждается в особых пояснениях. Дело в том, что автор, которому недостает ни энергии, ни, что еще важнее, мастерства, не способен заместить себя в качестве повествователя кем-либо другим. А сам он не настолько хороший выдумщик, чтобы поднять рассказ на сколько-нибудь высокий художественный уровень. В то же время в этих скромных мемуарах он будет последователен и честен, что вы, возможно, должным образом оцените. И это следующая тема:

В.2) Осознание комплекса авторской скромности

Испытывая неловкость от необходимости самовыражения, автор одновременно рефлексировать по ее поводу. Далее, если вы – один из тех, кто может угадать развитие событий еще до того, как они случаются, то вы уже поняли, что дальше: он (автор) намерен столь же откровенно и ясно продемонстрировать, что осознает свое положение человека, который самовыражается. Наконец, он полностью осознает – осознал гораздо раньше, чем осознали это вы, – наличие всяких уловок в повествовании, и потому заранее отвергает любые претензии по поводу уместности данной книги, объясняя, что все эти уловки – это просто инструмент, камуфляж, призванный скрыть страшную, ослепляющую, убийственную ярость и тоску, которыми до краев насыщена вся эта история; ярость и тоску слишком страшные и слишком ослепляющие, – *ответите... взгляд... в сторону!* – но при этом, по крайней мере, в глазах автора, *поучительные*, даже в карикатурной или сжатой форме, ибо с его точки зрения поделиться ими с как можно

¹⁷ «Нас пятеро» (1994–2000) – американский драматический сериал о пяти детях, осиротевших, когда их родителей сбил насмерть пьяный водитель.

¹⁸ «Как важно быть серьезным» (1895) – пьеса англо-ирландского драматурга Оскара Уайльда (1854–1900).

более широкой аудиторией – значит хоть немного смягчить боль и горечь и таким образом облегчить собственную душу, что составляет основу следующего тематического блока:

Г) Адресованный миру рассказ о страдании как способе облегчить душу или как минимум ослабить боль

Например, где-то ближе к середине книги автор уделяет некоторое внимание безуспешной, хотя и не совсем безуспешной, попытке стать участником телешоу «Реальный мир»¹⁹, когда в 1994 году его третий сезон снимали в Сан-Франциско. В данном случае автор стремился к достижению двух взаимосвязанных целей: 1) стряхнуть с себя прах прошлого, поведав миру о недавних событиях собственной жизни и таким образом сделав боль своего сердца, свою мучительную историю достоянием многотысячной или миллионной аудитории зрителей популярного шоу, и получить в ответ симпатию и поддержку, и 2) завоевать благодаря своим тяготам и печалям известность или хотя бы использовать их для достижения этой цели, не краснея при этом, признаваясь, что используешь подобного рода манипуляциями, ибо, признаваясь в этом, освобождаешь себя – по крайней мере, в представлении автора, – от ответственности за них и их последствия; к тому же ясность и открытое признание своих мотивов означает как минимум, что ты не лжешь, а лжецов никто, кроме избирателей, не любит. Все мы любим полную откровенность, особенно если она включает в себя признание собственной: 1) смертности и 2) предрасположенности к поражению (вещи взаимосвязанные, но не идентичные).

Д) Все вышеперечисленное как способ остановить время, учитывая страх смерти, а также само собой разумеющееся продолжение этой темы:

Д.2) Сексуальные свидания со старыми подругами или школьными возлюбленными как способ уничтожить время и доказать собственную значимость

Е) Сцены, в которых автор, в зависимости от вашей точки зрения, либо эксплуатирует, либо превозносит своих родителей

Ж) Безошибочное чувство, которое испытываешь, лично пережив нечто действительно странное или необычное, или необычное странное, или на удивление страшное; в каком-то смысле это тема *избранности*

Все это, конечно, случалось с автором. Когда одна за другой последовали смерти родителей и внезапно на него свалилась роль опекуна, автор вдруг ощутил, что за ним *наблюдает* – и не мог избавиться от мысли, – как человек, которого поразило ударом молнии, – что каким-то образом он оказался избранным, отныне в его жизни появилась цель, она исполнилась огромной значительности, и ему нельзя тратить время попусту, он должен действовать согласно своему предназначению, ведь это настолько очевидно, что... что... *он избран... быть лидером!*

З) Тема, связанная с (возможно) наследственным фатализмом

В этой части описываются безошибочные ощущения, какие испытываешь и осмысливаешь после того, как случилось нечто немыслимое и необъяснимое: если этот человек может умереть и тот человек может умереть, это может случиться и то может случиться... что в таком случае способно предотвратить все, что случается с этим человеком, с тем, вокруг кого случается все остальное? Если умирают все, то почему бы не умереть и ему? Если люди могут застрелить других людей, проезжая мимо них в автомобиле, если люди швыряют камни с мостов и эстакад, несомненно, очередной жертвой станет он. Если люди заражаются СПИДом, есть большая вероятность, что и его это не минует. То же самое касается пожаров в домах, дорожных аварий, авиакатастроф, уличных потасовок, когда в ход идут ножи, случайного выстрела, аневризмы, укуса паука, снайперской пули, пираний, животных в зоопарках. Происходит совмещение того эгоцентризма, о котором шла речь в пункте Ж, и пессимизма, который появля-

---

¹⁹ «Реальный мир» – американское реалити-шоу канала MTV, в котором восемь молодых людей жили вместе под постоянным наблюдением камер.

ется с отказом от любых правил приличия и любых запретов. Тогда приходит ощущение, что смерть подстерегает буквально за каждым углом, говоря конкретнее, в каждой кабине лифта; и еще конкретнее, когда открываются двери лифта и внутри оказывается некто в плаще, он нажимает на курок, пуля попадает в вас и убивает на месте, и заслуженно, – в соответствии с вашей ролью того, кто вызывает общую ненависть, а также с совершёнными вами бесчисленными грехами, и католического, и кармического свойства. Подобно тому, как полицейские – особенно те, кого показывают по телевидению, – вполне могут быть знакомы со смертью и ожидать ее в любой момент, – не обязательно своей, а смерти вообще, – автор с присущими ему параноидальными склонностями, осложненными внешними факторами, вынужден считать не просто *возможным*, но *вероятным*, что всё, что отнимает жизнь вообще, смыкается вокруг него, что жребий его брошен раз и навсегда, что его номер следующий, что шансы высоки, что на груди у него яблочко, а на спине бубновый туз. Забавно. Сами увидите.

И наконец:

И) Мемуары как акт саморазрушения

Они могут и должны походить на самообнажение, на сбрасывание кожи, столь же необходимое и освежающее, как массаж лица или колоноскопия. Откровение это важно, откровение не ради себя самого, ибо в большинстве случаев это мусор, – *ой!* – верно, мусор, но мы должны очиститься от него, выбросить, бросить в топку и сжечь, потому что это топливо. Ископаемое топливо. А что мы делаем с ископаемым топливом? Ну да, конечно, мы бросаем в топку и сжигаем. Нет, не совсем так. Но вы понимаете, что я имею в виду. Оно бесконечно возобновляемо и может быть использовано без ущерба для способности производить все больше и больше. Автор засыпает вскоре после того, как напивается. Автор занимается сексом без презерватива. Автор засыпает, когда, напившись, занимается сексом без презерватива. Вот. Это уже что-то. Некоторое представление у вас имеется. Но представление *о чем?*

И.2) Легкое и неубедительное позерство в нигилистическом духе, а именно: полное раскрытие личных секретов и боли под маской некоторой высоколести. При том, что на самом деле автор весьма скрытен во многих и даже большинстве вопросах, он видит смысл в том, чтобы предать гласности некоторые факты и события

И.3) Факт заключается в том, что следом за самодовольством и ненавистью к самому себе идет, а возможно, скрывается непосредственно за ними, надежда, рожденная задолго до того, как случилось все, что здесь описано

Помимо того, через повествование тянутся следующие нити, не нуждающиеся в особых комментариях:

Ж) Пренебрежение сублимацией как свидетельство принудительного солипсизма

З) Солипсизм как закономерный итог экономических, исторических и геополитических преимуществ

К) Диалектика Тофа: Тоф как источник вдохновения и одновременно помеха в деле написания этих мемуаров

Л) Диалектика Тофа-2: Тоф как магнит и одновременно, в случае необходимости, защита в интимных взаимоотношениях с женщинами

А также:

М) Диалектика утраты родителей: польза в ситуациях, требующих сочувствия, а также в ситуациях, когда надо быстро выкрутиться

И еще:

Н) Безвыходность в реально сложившихся взаимоотношениях с братом, или почти постоянная нервозность

О) Самовозвеличение как форма искусства

П) Самобичевание как форма искусства

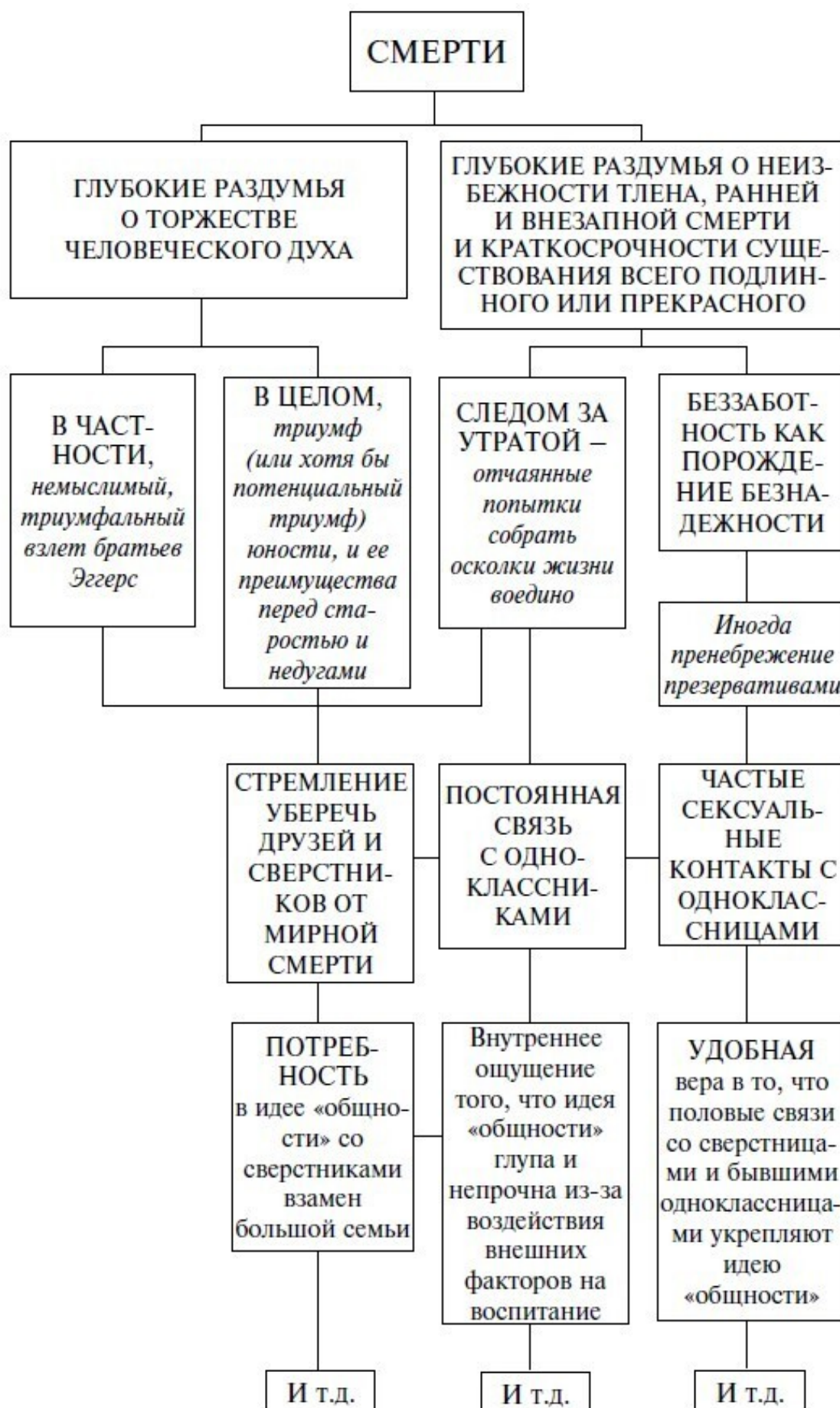
Р) Самовозвеличение под видом самобичевания как еще более изощренная форма искусства

С) Автоканонизация под видом саморазрушения. Маска как самовозвеличение под видом самобичевания как самой изощренной формы искусства

Т) Поиски поддержки, чувства локтя, если вам будет угодно, среди равных, среди ровесников, после того, как некто огляделся вокруг себя и понял, что все остальные, все старшие, либо умерли, либо вот-вот умрут

У) Тот факт, что пункт Т хорошо сочетается с пунктом Ж

Вот как это выглядит графически (см. на след. странице).

Помимо всего прочего автор хотел бы признать, что за эту книгу он получил денежное вознаграждение:

Общая сумма (грязными) \$100000.

Вычеты:

Гонорар литературного агента (15 %) \$15,000

Налоги (после уплаты гонорара агенту) \$23,800

Расходы, связанные с созданием книги:

Аренда помещения, два года (от \$600 до \$1500 в месяц) \$12,000

Поездка в Чикаго (исследование) \$850

Поездка в Сан-Франциско (исследования) \$620

Питание (во время якобы работы) \$5,800

Прочие расходы \$12000

Лазерный принтер \$600

Бумага \$242

Почтовые расходы [рассылка рукописи для одобрения: сестре Бет в Сев. Калифорнию и брату Биллу – советнику главного финансового инспектора, Остин, штат Техас; Кирстен – Сан-Франциско, замужем; Шалини – дом в Лос-Анджелесе, вполне преуспевает; Мередит Вайсс – стилист-фрилансер, Сан-Диего; Джейми Каррику – Лос-Анджелес, один из менеджеров музыкальной группы Hanson; «Рики» – Сан-Франциско, инвестиционный банкир – размещение акций высокотехнологичных компаний, ипотека – и т. д., и т. д.] \$231

Диск с записью саундтрека к фильму «Ксанаду»²⁰ \$14,32

Служба восстановления информации (безуспешные попытки восстановить с жесткого диска дневниковые записи за два года) \$75

Итого, в остатке \$39567,68

Что, если прикинуть, и по нынешним временам неплохо – больше, чем автор, у которого нет домашних животных, может потратить. Это позволяет ему выделить какую-то часть этой суммы вам, по крайней мере, некоторым. Первые двести читателей книги, которые смогут письменно подтвердить, что прочли ее и усвоили содержащиеся в ней многочисленные уроки, получают от автора чек на 5 долларов, выписанный на один из американских банков, скорее всего, «Чейз Манхэттен», который хорошим банком не назовешь, – не открывайте в нем счет. Теперь: как доказать, что вы купили и прочли книгу? Давайте, например, поступим следующим образом: возьмите в руки купленную книгу²¹, вложите в нее чек или копию чека и попросите кого-нибудь сфотографировать вас за чтением или, возможно, за использованием ее каким-либо иным, более продуктивным, образом. Приоритет отдается:

а) фотографиям с ребенком (или детьми), ибо всем известно, что дети – это милые существа;

б) фотографиям с ребенком с исключительно длинным языком;

в) фотографиям, сделанным в каком-нибудь экзотическом месте (не забывайте, с книгой в руках);

---

²⁰ «Ксанаду» (*англ.* Xanadu) – романтический мюзикл 1980 года. Ксанаду (правильнее Шанду) – название китайского города, где в поэме «Кубла Хан, или Видение в мечтах: фрагмент» Сэмюэла Кольриджа (цитируется в фильме) хан основал свой любимый сад.

²¹ Само собой, если вы взяли книгу в библиотеке либо читаете издание в мягкой обложке, вы сильно, очень сильно опоздали. Ведь если подумать, то происходит это в отдаленном, весьма отдаленном будущем, – скорее всего она уже включена в программу школьного чтения! В таком случае, пожалуйста, напишите: как там в будущем? Ходят ли все в халатах? Машины стали более или менее округлыми? Женская футбольная лига еще существует? – *Прим. автора.*

г) фотографиям книги, о которую трется красная панда – млекопитающее, похожее на небольшого медведя и енота, именуемое иногда «маленькой пандой», обитающее в центральной части Китая и имеющее привычку тереться о различные предметы, помечая таким образом территорию. НЕ ЗАБУДЬТЕ: вы или тот (те), кто с вами, должны быть в центре снимка. Если вы используете камеру с автофокусом и 35-миллиметровым объективом, подойдите к ней ближе, чем вам может показаться правильным; линзы выпуклые, и они автоматически отодвигают вас на пять-восемь футов. А ТАКЖЕ: фотографируйтесь, пожалуйста, одетыми. Читатели, у которых достанет смекалки найти экземпляр одного ежеквартального журнала, узнают адрес, по которому можно востребовать подарочную сумму (только надо иметь в виду, что этот адрес будет актуальным примерно до августа 2000 года), таким образом, у них будет преимущество по времени. Все остальные могут отправить свои самые художественные фотографии по адресу:

З.Д.И.Г. Специальное предложение

Винтидж Букс

Парк Авеню, 299

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10171

Если к моменту получения вашего письма автор уже разошлет двести чеков, у вас все же остается шанс. Если фотография получится необычной или вам не повезло с дурацкой фамилией или названием города, где вы живете, и если вы приложите конверт с маркой и обратным адресом, автор отошлет его вам с каким-нибудь вложением (не денежным), потому что кабельного телевидения у него нет, а развлечься хочется. И еще²². Автор благодарен вам за желание наконец-то перейти к сюжету, к сути, к *истории*. Он это желание исполнит и, вопреки тому, что сказано в пункте Г), предоставит в ваше распоряжение добрых сто или около того страниц упорядоченной бесхитростной прозы, которая позабавит вас или заставит взгрустнуть и, так или иначе, взбодрит. Рассказ этот вот-вот начнется, ибо автор признает, что момент настал, время подошло, пробил час. Он признает потребности и чувства читателя, признает, что у читателя ограничены время и терпение, что бесконечное хождение вокруг да около, постоянное откашливание вполне может показаться и даже *превратится* в высокомерную игру с читателем, оттягиванием начала рассказа, что никому не нравится (Или кому-то все-таки нравится?) Так что двигаемся дальше, потому что автор, подобно вам, этого хочет, он хочет перейти к сути, погрузиться, вернуться к истокам, ибо это история, которую должно рассказать, история, где есть место смерти и искуплению, горечи и предательству. Но перед началом погружения еще несколько признаний. Автор хочет выразить признательность храбрым мужчинам и женщинам – служащим Вооруженных сил Соединенных Штатов Америки. Он желает им всяческого добра и надеется на их скорое возвращение домой. То есть если они сами этого желают. А если желают оставаться там, где они пребывают сейчас, он надеется, что так оно и будет. По крайней мере, до тех пор, пока они не захотят вернуться домой. И тогда пусть возвращаются ближайшим рейсом. Далее, автор хотел бы выразить признательность создателям комиксов про злодеев и супергероев – тем, кто придумал или, по крайней мере, популяризировал образ обыкновенного доброжелательного человека, превратившегося волею дикого случая в мутанта, странным образом сочетающего крайнюю обиду и безграничную надежду, совершающего странные, очень странные и глупые поступки, часто во имя Добра. Такое ощу-

---

²² Занятная история: как-то отец рассказал мне, как вместе со своим другом Лесом (оба были адвокатами, Лес по-прежнему жив и успешно практикует) придумал способ, как тянуть время на переговорах или судебных заседаниях: вместо «э-э» или «ну-у» они говорили «и еще» — выражение, которое выполняет сразу две функции: так же как «э-э» или «ну-у» выигрывает время, и одновременно (в отличие от дурацкого мычания) порождает некоторую интригу — что будет дальше, хотя даже сам говорящий этого еще не знает. —Прим. автора.

щение, что сочинители комиксов что-то хотят этим сказать. И еще, автор, в духе интерпретационной *glasnost*, хотел, дабы облегчить вам чтение, представить нечто вроде пояснительного указателя к примерно половине содержащихся в книге метафор.

Неполный пояснительный указатель символов и метафор

Солнце = Мать
Луна = Отец
Общая комната = Прошлое
Кровь из носа = Упадок
Опухоль = Предзнаменование
Небо = Освобождение
Океан = Смертность
Мост = Мост
Бумажник = Безопасность
    Отец
    Прошлое
    Сословие
Решетка = Трансцендентальное равенство
Белая кровать = Утроба
Мебель, ковры и т. д. = Прошлое
Игрушечный медвежонок = Мать
Тоф = Мать
Куклы = Мать
Озеро Мичиган = Мать
    Прошлое
    Покой
    Хаос
    Неизвестность
Мать = Смертность
Мать = Любовь
Мать = Рак
Бет = Прошлое
Джон = Отец
Шалини = Обещание
Скай = Обещание
Я = Мать

Примечание: в использовании песни группы Journey “Any Way You Want It”²³ не подразумевается никакого символизма.

Также автор хотел бы признаться в склонности к преувеличениям. И в склонности при-
врать, если все это позволяет ему выглядеть лучше, чем он есть на самом деле, или хуже, –
в зависимости от того, что ему в данный момент нужно. Он также хотел признать тот факт,
что нет, он не единственный, кому случилось потерять родителей, и он не единственный, кому
случилось потерять родителей и остаться с младшим братом на руках. В то же время он хотел
бы подчеркнуть, что возможно он единственный среди таких людей, кто имеет договор на
книгу. Он хотел бы признать заслуги почтенного сенатора от штата Массачусетс. И факт, что

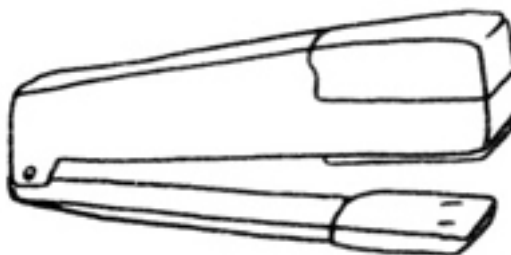
---

²³ Journey (*англ.* Путешествие) – американская рок-группа, образованная в 1973 г. Песня Any Way You Want It (*англ.* Как ты захочешь) выпущена в 1980 г.

Палестина – независимое государство. И внутреннюю логику правила немедленного повтора моментов матчей. И что он тоже прекрасно видит недостатки и просчеты книги, в чем бы они, по вашему мнению, ни заключались, и снимает шляпу перед теми, кто обратил на них внимание. И если хорошенько подумать, то в конечном итоге он хотел бы выразить признательность и своему брату Биллу, ведь его брат Билл – такой хороший человек. И достойному и преданному редактору этой книги Джеффу Клоске, и помощнице мистера Клоске Николь Грэв, которая путает гласные, но во всем остальном чудесная женщина. Спасибо, К. Лейсон, А. Куинн, Дж. Летем, В. Вида – они избавляли автора от страхов и комплексов, не говоря уж об Адрианн Миллер, Джоне Уорнере, Марни Рекуа и Саре Вауэлл, прочитавших эту книгу еще до того, как она приобрела удобочитаемый вид (пусть даже, если вспомнить, автор подбросил Уорнеру сотню, так что благодарить его вроде как не обязательно). И еще раз – всем тем, кто стал персонажами этой книги, особенно мистеру С.М.Э. – он поймет, что речь о нем. Наконец, автор хотел бы выразить признательность мужчинам и женщинам – работникам Почтовой службы Соединенных Штатов Америки – за их неблагодарный порой труд, за то, что дело свое они делали с большим достоинством и, учитывая его масштабы и объем, с поразительным профессионализмом.

А вот рисунок степлера:

I.

Через узкое высокое окно ванной декабрьский двор выглядит серым и неуютным, ветви деревьев – словно линии на чертеже. Пар из сушилки тянется из дома наружу и рассеивается, уходя вверх, в белое небо.

Этот дом – целая фабрика.

Я натягиваю штаны и возвращаюсь к матери. Иду через прихожую, мимо прачечной, в общую комнату. Закрываю за собой дверь, чтобы не было слышно, как в сушилке громяют маленькие кроссовки.

– Ты где был? – спрашивает мать.

– В ванной, – отвечаю.

– Хм...

– Что?

– Пятнадцать минут?

– Ну, не так долго.

– Даже дольше. Что-нибудь разбил?

– Нет.

– Провалился в унитаз?

– Нет.

– Играл сам с собой?

– Я стриг волосы.

– Пупок изучал?

– Ну да. Как скажешь.

– Убрал за собой?

– Да.

Ничего я не убрал, оставил клочки спутанных каштановых волос в раковине, но мать ничего не узнает. Она не может встать и проверить.

Она лежит на диване. К этому моменту она с дивана уже не поднимается. Было время, каких-то несколько месяцев назад, когда она бодро передвигалась, ходила гулять и ездила на машине, занималась делами. Потом наступил период, когда она большую часть дня сидела в кресле у дивана, но время от времени чем-то занималась и выходила из дома. В конце концов она переместилась на диван, но даже тогда, проводя большую часть дня на диване, примерно в одиннадцать вечера вставала и босиком – даже к ноябрю с ее ног еще не сошел загар – медленно, осторожно шагая по зеленому ковру, поднималась наверх, в старую спальню моей сестры. Она спала там уже много лет – комната была выдержана в розовых тонах, чисто убрана, кровать с балдахином; и уже давно мать решила, что не может спать в одной комнате с отцом, когда тот так кашляет.

Но вот уже несколько недель как ходить наверх она перестала. Теперь она лежит на диване, не встает, сидит, откинувшись на спинку днем, и спит ночью, в ночной рубашке, с включенным до рассвета телевизором, укрытая с головы до ног теплым ватным одеялом. Тут всё понятно.

Сидя, откинувшись на спинку дивана, большую часть дня и ночи, мама поворачивает голову в сторону телевизора, и отворачивает, чтобы выплюнуть зеленую слизь в пластиковый контейнер. Контейнер – новшество. Много недель до этого она сплевывала зеленую слизь в полотенце, не одно и то же полотенце, она их регулярно меняла, всегда держа одно наготове – на груди. Но как мы с сестрой Бет вскоре обнаружили, полотенце на груди – не лучший слизеприемник, потому что, как выяснилось, зеленая слизь ужасно воняет, даже более резко, чем можно было ожидать (точно можно ожидать какого-то запаха, но не *такого же*). Словом,

оставлять зеленую слизь, расплывающуюся и постепенно застывающую, на махровых полотенцах было нельзя. (Потому что зеленая слизь превращалась на них в корку, и отстирать их было практически невозможно. Так что полотенца были одноразовыми, и даже если использовать каждый уголок, сворачивать и переворачивать, переворачивать и сворачивать, запасы быстро истощились, хоть мы и опустошили все ванны, шкафы и гараж.) В конце концов Бет нашла выход, и мать стала сплевывать зеленую слизь в маленькую кювету, выглядевшую как попавшая под руку деталь от кондиционера, но на самом деле ее дали в больнице, и она, насколько нам было известно, специально предназначена для людей, сплевывающих большое количество зеленой слизи. Это пластмассовый приемник кремового цвета в форме полумесяца, который всегда можно держать под рукой и в который удобно сплевывать. Его можно приставить к подбородку и прижать ко рту полулежащего человека так, чтобы производитель зеленой жидкости мог либо приподнять голову и выплюнуть ее, либо дать жидкости стечь по его (или ее) подбородку и попасть прямо в цель. Это было важной находкой – пластиковая кювета в форме полумесяца.

– Удобная штука, правда? – спросил я, проходя мимо матери на кухню.

– Да, первый сорт, – сказала она.

Я взял в холодильнике стаканчик с фруктовым мороженым и вернулся в общую комнату.

Желудок вытащили из матери около полугода назад. Тогда уж и удалять мало чего осталось – примерно за год до того из нее уже вытащили [я бы употребил тут медицинские термины, если бы знал] все остальное. Затем соединили [что-то с чем-то] в надежде изолировать пораженную часть и назначили химиотерапию. Но, естественно, удалили не все. Кое-что осталось, и это кое-что выросло, вернулось, отложило яйца и зайцем пробралось на борт космического корабля. Какое-то время мать выглядела вполне неплохо: прошла курс химии, купила парик, потом волосы снова отросли, став более темными и ломкими. Но шесть месяцев спустя боли возобновились – *что это было, расстройство желудка?* Конечно, может быть, просто расстройство, отрыжка и боли, – вдруг согнется над столом во время ужина; бывает же у людей расстройство; многие принимают «Тамс»²⁴; *Слушай, ма, может, я схожу за «Тамсом»?* – но когда она снова легла в больницу и ее «вскрыли» – выражение врачей – и заглянули внутрь, оно устало на них, на врачей, словно тысяча червей из-под камня – извивающихся, блеющих, мокрых и склизких – *О господи!* – а может, не червей, может, это были миллионы раковых клеток, каждая – свой собственный раковый городок, с беспорядочно разбросанным и беззаботным по части окружающей среды населением, живущим по своим законам. Когда врач вскрыл ее и на этот мир раковых клеток внезапно обрушился ослепительный свет, они пришли в большое раздражение и были явно возмущены подобным вторжением. *Выключите. Гребаный. Свет.* Они пилились на врача, каждая клеточка по отдельности, хотя у этого города был единственный глаз, единственный слепой, исполненный злобы глаз посередине, и он повелительно, как способен это делать только слепой глаз, взирал на врача. *Убирайся. К гребаной. Матери.* Врачи сделали все от них зависящее, вырезали весь желудок, стянули все оставшееся воедино, один конец к другому, затем зашили, оставив город нетронутым, – колонистов вместе с их явным предначертанием²⁵, их нефтью, торговыми центрами и разрастающимся пригородом, – заменили желудок трубкой и пакетом для внутреннего вливания. Занятная это штука – пакет для внутреннего вливания. Мать носила его с собой в сером рюкзаке – вид у него совершенно футуристический: смесь упаковки синтетического льда и паучей с жидкой едой, предназначенной для космических полетов. Мы придумали ему имя. Мы называем его «мешок».

²⁴ «Тамс» – популярное в США средство от изжоги и расстройства желудка, отпускаемое без рецепта.

²⁵ Явное предначертание (англ. Manifest Destiny) – выражение, возникшее во время военного конфликта между США и Мексикой (1846–1848) и призванное оправдать претензии США на весь материк: от Атлантического до Тихого океана. Впоследствии термин использовался, чтобы придать теоретическое обоснование зарубежной экспансии США и американской «миссии» по продвижению демократии во всем мире.

Мы с матерью смотрим телевизор. Показывают передачу про то, как молодые спортсмены-любители, работающие маркетологами и инженерами, состязаются в силе и ловкости с профессиональными атлетами – мужчинами и женщинами. Эти спортсмены по преимуществу светловолосы и с удивительно ровным загаром. Выглядят потрясающе. Их имена звучат уверенно и неотразимо, похоже на марки американских автомобилей и электроники, вроде Файрстар, Меркьюри или Зенит²⁶. Классное шоу.

– Что это такое? – спрашивает мать, наклоняясь поближе к телевизору. Ее глаза – некогда маленькие, острые, угрожающие – ныне потускнели, пожелтели и запали, а постоянное сплевывание придало им неизменно раздраженное выражение.

– Шоу с боями, – говорю.

– Ага. – Она поворачивается и поднимает голову, собираясь сплунуть.

– Кровь все идет? – спрашиваю я, облизывая мороженое.

– Да.

У нас идет кровь носом. Пока я был в ванной, мать зажимала нос, но недостаточно крепко, и сейчас я прихожу ей на помощь, сдавливая ноздри свободной рукой. Кожа у нее гладкая, маслянистая.

– Крепче, – говорит она.

– Хорошо, – говорю я и еще крепче сжимаю пальцы. Кожа у нее горячая.

Кроссовки Тофа продолжают громохатать.

Где-то месяц назад Бет проснулась рано, не помнит почему. Она спустилась по лестнице, где звук шагов приглушал зеленый ковер, до черного, как грифельная доска, пола прихожей. Входная дверь была открыта, закрытой оставалась только сетка. Стояла осень, на улице было холодно, и она обеими руками закрыла тяжелую деревянную дверь, шелкнула замком и пошла на кухню. Она прошла через холл, вошла в кухню, мороз начертил свои паутинные узоры по углам раздвижной стеклянной двери, оставил следы на голых деревьях во дворе. Она открыла холодильник и заглянула внутрь. Молоко, фрукты, пакеты для внутреннего вливания с подписанными сроками годности. Закрыла холодильник. Прошла из кухни в общую комнату. Шторы на большом окне, выходящем на улицу, были раздвинуты, снаружи было светло. Окно было ярким серебристым экраном, подсвеченным сзади. Она сощурилась, привыкая к освещению. Сфокусировавшись, в центре экрана – на дальнем конце подъездной дорожки – она различила фигуру отца. Он стоял на коленях.

Дело не в том, что у нашей семьи не было вкуса. Дело в том, что вкус у нашей семьи был бессистемный. Обои в ванной на первом этаже, доставшиеся нам вместе с домом, были его самым выразительным декоративным элементом, представляя собою узор из пятнадцати или около того лозунгов и выражений, распространенных во времена, когда стены оклеивали. *В самую точку, Круто, С глаз долой* – надписи переплетаются, образуя самые удивительные сочетания. *Вот это да!* скрещивается с другой надписью, и кажется, будто это указатель на выход – *Туда*. Слова написаны от руки, крупными красным и черным буквами на белом фоне. Дикое уродство, конечно, но тогда обои были новшеством, которое гости не могли не оценить; свидетельством, что в этой семье не обращают особого внимания на проблемы декора, а также памятью о счастливых временах, ослепительных, фантастических временах американской истории, порождавших ослепительные и фантастические обои.

Гостиная у нас с оттенком аристократизма: чистая, опрятная, полная семейных реликвий и антиквариата, в центре, на паркетном полу, – восточный ковер. Но наши подлинные наклонности, хорошо это или плохо, по-настоящему отражала общая комната – единственная,

---

²⁶ Речь идет о популярном ТВ-шоу «Американские гладиаторы».

где все мы проводили много времени. Тут царил полный хаос, предметы мебели соперничали друг с другом – стиснув зубы, толкаясь локтями, – за звание самого неподходящего и неуместного. На протяжении двенадцати лет здесь господствовали кресла с кроваво-бурой обивкой. Диван времен нашей юности, тот самый, что спорил с кроваво-бурыми стульями и потертым белым ковром, был обтянут разноцветной тканью – зелено-коричнево-белой. Общая комната всегда выглядела, как корабельная каюта: стены с деревянными панелями, шесть массивных деревянных балок поддерживают, или предполагается, что поддерживают, потолок. Здесь было темно, и если не считать неизбежной гнили, изъедающей мебель и стены, ничего здесь за двадцать лет, что мы прожили в доме, фактически не изменилось. Почти вся мебель грубая, на низких ножках, как обстановка в медвежьей берлоге. Еще один диван, приобретенный позже всего остального, отцовский, длинный, покрытый чем-то вроде выгоревшего на солнце велюра, а также стоящее рядом с ним кресло, которое пять лет назад сменило своих кроваво-бурых собратьев, и еще диван-кровать с коричневой обивкой – мамы. Перед диваном кофейный столик из поперечного среза дерева, по краю которого, несмотря на лак, видна кора. Много лет назад мы привезли его с собой из Калифорнии, и, как и большинство предметов домашней мебели, он стал отражением эмоциональной философии обстановки – по отношению к мебели, лишенной эстетики, мы – словно семьи, принимающие на воспитание обездоленных детей и беженцев с разных концов света, – мы видим внутреннюю красоту и не можем сказать «нет».

Большую часть одной из стен общей комнаты занимал и занимает кирпичный камин. В камине была небольшая ниша, чтобы жарить барбекю прямо в доме, хотя мы этого никогда не делали, потому что при переезде нам сказали, что где-то в верхней части дымохода поселились еноты. Так, в течение долгих лет, ниша не использовалась, пока однажды, примерно четыре года назад, наш отец, вдохновляемый теми же непонятыми мотивами, что из года в год заставляли его украшать стоявший рядом с диваном торшер резиновыми пауками и змеями, не поставил туда аквариум. Аквариум, размеры которого были выбраны по чистому наитию, отличным образом подошел.

– Хей-хей! – сказал он, устанавливая его на место, – справа и слева свободными остались разве что сантиметр-полтора.

«Хей-хей», – вот и все, что он сказал, и прозвучало это немного в духе Фонзи²⁷, а ведь на самом деле говорил седовласый адвокат в полосатых брюках. – «Хей-хей», – говорил он, совершая любые чудеса в том же духе, поражающие своим количеством и необычностью, – помимо Чуда Идеального Аквариума было, к примеру, Чудо Подключения Телевизора к Новой Стареосистеме, не говоря уж о Чуде Прокладки Проводов «Нинтендо» под Ковром, чтобы Младший Не Спотыкался, Черт Подери. (Отец был фанатом «Нинтендо».) Дабы привлечь внимание к очередному чуду, отец становился напротив любого, кому случится оказаться в комнате, и, широко ухмыляясь, торжествуя, трясая над головой сцепленными руками, точно мальчишка-скаут, выигравший Дерби соснового леса²⁸. Иногда скромности ради он закрывал при этом глаза либо наклонял голову. *Неужели это сделал я?*

– Неудачник, – говорили мы.

– Да пошли вы, – говорил он и уходил приготовить себе большой бокал «Кровавой Мэри».

Потолок в одном углу гостиной был покрыт концентрическими кругами желтого и бурого цвета – подарок от проливных дождей прошлой весны. Дверь в прихожую держалась лишь на одной из трех петель. Полностью выцветшего и протертого до основания ковра пылесос не касался месяцами. Форточки до сих пор открыты – отец пытался закрыть их, но в этом году

²⁷ Фонзи (Артур Герберт Фонзарелли) – персонаж популярного американского комедийного сериала «Счастливые деньки» (1974–1984).

²⁸ Дерби соснового леса – гонки самодельных деревянных автомобилей, устраиваемые бойскаутами.

ему не удалось. Большое окно в общей комнате выходит на восток и, поскольку над домом нависает множество могучих вязов, света проникает мало. Освещение не сильно различается ночью и днем. В этой комнате обычно темно.

Я приехал домой из колледжа на Рождество. Наш старший брат Билл только что уехал в Вашингтон, где работает в фонде «Наследие»²⁹, – что-то связанное с восточноевропейской экономикой, приватизацией и конверсией. Сестра дома и была дома весь год, потому что приостановила учебу на юридическом факультете, чтобы здесь ничего не пропустить. Когда я прихожу домой, Бет уходит.

– Куда идешь? – обычно спрашиваю я.

– Туда, – обычно отвечает она.

Я зажимаю ей нос. Идет кровь, мы стараемся остановить ее и при этом смотрим телевизор. На экране бухгалтер из Денвера взбирается по стене, пытаясь не дать атлету по имени Страйкер догнать себя и стащить на землю. Другие моменты шоу могут быть напряженными – бег с препятствиями, в котором участники соревнуются между собой, а также на время, и еще – когда они дерутся веслами с губками на концах; то и другое захватывающее зрелище, особенно если счет почти равный, а ставки высоки, но это стенолазание раздражает. Сама мысль о том, что бухгалтера, взбирающегося по стене, кто-то преследует... Никому не понравится, если кто-то или что-то преследует тебя, пока ты взбираешься по стене, хватая за щиколотки, пока ты не успел дотянуться до колокола, закрепленного наверху. Страйкер стремится дотянуться до бухгалтера и стащить его вниз – он вновь и вновь пытается схватить бухгалтера за ногу – все, что ему требуется, так это хороший захват, захват и бросок, и если Страйкеру это удастся раньше, чем бухгалтер дотянется до колокола... это самая ужасная часть всего представления. Бухгалтер поднимается стремительно, лихорадочно, обламывая ногти, и в какой-то миг кажется, что он побеждает, ведь Страйкер далеко внизу, на два человеческих роста, но вдруг бухгалтер останавливается. Он никак не может дотянуться до следующего выступа, который слишком далеко. И тогда он в буквальном смысле дает *задний ход*, чуть-чуть спускается, чтобы выбрать другой путь, и это невыносимое напряжение. Бухгалтер опускается на шаг вниз и вновь начинает подъем по левой стороне стены, но Страйкер возникает из ниоткуда – *его даже на экране не было!* – он хватается бухгалтера за ногу, за голень, дергает – и все кончено. Бухгалтер летит вниз (разумеется, он привязан веревкой) и медленно опускается на пол. Это ужасно. Никогда больше не буду смотреть это шоу.

Мама любит передачу, в которой три молодые женщины сидят на выдержанном в пастельных тонах диване и обсуждают удачные и неудачные моменты свидания вслепую, которые у них были с одним и тем же мужчиной. Из месяца в месяц мать и Бет смотрели эту передачу каждый вечер. Иногда у участников случался секс, и для его описания они использовали забавные выражения. И еще там забавный ведущий с большим носом и выющимися темными волосами. Очень жизнерадостный человек, которому явно очень нравится его передача, и он все время веселится. В финале передачи холостяк выбирает одну из трех женщин, с которой ему хочется встретиться еще раз. И тогда ведущий делает нечто весьма удивительное: хотя он уже заплатил за три ранее описанных свидания и больше никакой выгоды ему из этого не извлечь, *он все равно дает участникам деньги на следующее свидание.*

Мама смотрит эту передачу каждый вечер; это единственное, что она может смотреть, не проваливаясь в сон посередине, а так происходит часто, на протяжении всего дня она то засыпает, то просыпается. А ночами не спит.

– Да спишь ты ночью, – говорю я.

---

²⁹ Фонд «Наследие» – американский аналитический центр, занимающийся исследованиями международной политики. Считается одной из самых влиятельных консервативных организаций США.

– Ничего подобного, – говорит она.

– Все ночью спят, – говорю я (это у меня пунктик), – даже если кажется, что это не так. Ночь слишком длинная, чтобы все время бодрствовать. Вообще-то, бывало, когда я почти не сомневался, что не спал всю ночь, например, из-за «Вампиров Салема»³⁰, – помнишь, там еще Дэвид Соул играл? Там, где людей насаживают на оленье рога? Я тогда боялся заснуть и всю ночь не выключал переносной телевизор, стоявший у меня на животе, боялся вырубиться, потому что был уверен, что эти твари только и ждут момента, чтобы я заснул, и тогда влетят через окно или придут из коридора, укусят меня и медленно, капля за каплей...

Мать сплевывает в свой полумесяц и смотрит на меня.

– О чем это ты, черт побери?

* * *

Аквариум так и стоит в камине, но четыре или пять золотых рыбок с выпученными глазами умерли много недель назад. Вода в аквариуме, на которую сверху все еще падает фиолетовый свет, сделалась серой от плесени и рыбьих испражнений, и мутной, как «снежный шар», если его встряхнуть. Кое-что меня занимает. Меня занимает, какова эта вода на вкус. Как питательный коктейль? Как нечистоты? Может, у матери спросить: *как думаешь, какова эта вода на вкус?* Но вряд ли ей понравится этот вопрос. Она не ответит.

– Не посмотришь? – говорит она, имея в виду свой нос.

Я отпускаю ноздри. Ничего.

Я смотрю на нос. Летний загар еще не сошел. Кожа гладкая, смуглая.

Потом появляется кровь, сначала тонкая струйка, затем толстый угорь, выползает медленно, с трудом. Я беру полотенце и убираю его.

– Не останавливается, – говорю я.

У нее низкий уровень лейкоцитов. Кровь сворачивается плохо, так сказал доктор при последнем осмотре, поэтому кровотечения нам допускать нельзя. Любое кровотечение, сказал он, может означать конец. Да, согласились мы. Мы не беспокоились. Пока жизнь матери протекала на диване, нам казалось, что у нас есть возможность остановить кровь. *Уберу подальше все острые предметы*, – пошутил я. Но доктор даже не хмыкнул. Не уверен, услышал ли он меня. Я подумал было, не повторить ли, но решил, что, наверное, все-таки слышал, только шутка не показалась ему смешной. А может, все же не услышал? Тогда мелькнула идея пошутить по-новому, перевернуть шутку, так сказать, с ног на голову, добавить еще одну, и получится двоячка, как в боксе. *На ножках больше не деремся*, можно сказать. *Ножками больше не швыряемся*, можно сказать, ха-ха. Но этот доктор не любит шуток. В отличие от кое-кого из медсестер. Это наша обязанность – шутить с докторами и сестрами. Это наша обязанность – выслушивать докторов, а, выслушав докторов, Бет обычно задает докторам специфические вопросы: *Как часто это принимать? Нельзя ли просто добавить это в «мешок»?* Иногда я задаю вопрос и тогда привношу немного легкого юмора. Я знаю, что, сталкиваясь с неприятными обстоятельствами, лучше шутить; для юмора, как говорится, всегда есть место. Но последние несколько недель как-то не очень подтверждают это правило. Мы постоянно ищем во всем веселые стороны, но почти не находим.

– Ничего не получается. – Из подвала поднялся Тоф. Рождество было неделю назад.

– Что?

– «Сега»³¹, говорю, не работает.

– А ты ее включил?

---

³⁰ «Вампиры Салема» (1979) – американский фильм ужасов по роману Стивена Кинга «Жребий».

³¹ «Сега» – приставка для видеоигр.

- Да.
- Картридж с игрой до конца вставил?
- Да.
- Тогда выключи и снова включи.
- Ладно, – говорит он и уходит обратно.

За окном общей комнаты, посреди серебристо-белого квадрата, отец в костюме – в сером костюме, как на работу. Бет остановилась в дверях между кухней и комнатой и смотрела на отца. Деревья во дворе по ту сторону улицы были большие и серые, с длинными ветвями, чахлая трава на лужайке пожелтела, покрылась палой листвой. Он не шевелился. Костюм на нем, даже коленопреклоненном, обвис. Он сильно похудел. Мимо прошла кошка – серое пятно. Бет ждала, пока он поднимется.

Видели бы вы то место, где у нее когда-то был желудок. Оно стало размером с тыкву. Круглое, раздувшееся. Вот странно – желудок удалили, и даже, если память не подводит, что-то еще вокруг него, а она выглядит беременной. Живот даже из-под одеяла выпирает. Думаю, это из-за рака, но ни у матери, ни у Бет я не спрашивал. Или живот вздувался, как у голодающего младенца? Не знаю. Я не задаю вопросов. Когда я до этого сказал, что задаю вопросы, я солгал.

Кровь из носа идет уже около десяти минут. Недели две назад у матери уже шла кровь носом, Бет не смогла ее остановить, и они вызвали скорую. Врачи продержали мать в больнице два дня. Ее навестил онколог, который иногда нам нравился, а иногда нет, – пришел, посмотрел историю болезни, прицепленную к планшету из нержавеющей стали, присел на край кровати, поболтал – он уже много лет наблюдал мать. Ей сделали переливание крови и анализ на содержание белых кровяных телец. Хотели подержать подольше, но она настояла на выписке; ей было страшно там оставаться, хотела покончить с больницами, не желала...

Она выписалась из больницы опустошенной, подавленной и теперь, благополучно оказавшись дома, не хотела возвращаться назад. Она заставила меня и Бет пообещать, что мы никогда ее больше туда не отправим. Мы пообещали.

- Окей, – сказали мы.
- Я серьезно, – сказала она.
- Окей, – сказали мы.

Я еще сильнее, насколько возможно, закинул ее голову назад. Спинка дивана была мягкой и удобной.

Она сплевывает. Она привыкла сплевывать, но все еще издает напряженные, как при рвоте, звуки.

- Больно? – спрашиваю я.
- Больно – что?
- Сплевывать?
- Нет, глупыш, от этого легче.
- Извини.

Снаружи проходит семья: мать, отец, маленький ребенок в зимних штанах и куртке и коляска. Они не смотрят в наше окно. Трудно сказать, знают ли они, что у нас происходит. Может, и знают, но просто вежливые. Многие знают.

Мать любит, когда шторы раздвинуты, чтобы были видны двор и улица. Днем снаружи часто бывает очень светло, но хотя через окно свет виден хорошо, в комнату он проникает неохотно, так что никакого освещения не дает. Я не сторонник раздвинутых штор.

Некоторые знают. Конечно, знают.

Многие знают.

Все знают. Все говорят. Ждут.

У меня на них есть планы – на любопытствующих, сующих нос не в свое дело, сочувствующих – есть богатые фантазии касательно тех, для кого мы – смешные и жалкие – источник для сплетен. Я представляю себе удушение – *Тссс, я слышу, как у нее – хруст! – ломаются шейные позвонки – Что же будет с этим несчастными дет...* Бах! – Я представляю, как пинаю тела, они падают на землю, извиваются, плюются кровью и... *Господи Иисусе, Господи Иисусе, мать твою, простите меня, простите!* – молят о прощении. Я поднимаю их высоко над головой, швыряю вниз, ломаю о колено, позвоночники у них что деревянные рейки. Неужели не видите? Я заталкиваю обидчиков в огромные резервуары с кислотой и смотрю, как они отчаянно стараются выбраться, орут, а кислота разъедает их тела. Мои руки тянутся к ним, рвут их на части – я вырываю у них сердца, кишки и отбрасываю в сторону. Я проламываю черепа, отсекаю головы, орудуя бейсбольной битой – способ и мера наказания зависит от личности оскорбителя и характера оскорбления. Те, кто не нравятся моей матери или не нравятся мне, – первые в очереди, и их ждет самое худшее – чаще всего долгое медленное удушение: их лица краснеют, потом багровеют, потом лиловеют. Те, кого я почти не знаю, – вроде семьи, только что прошедшей мимо, – худшего избегают. Ничего личного. Я перееду их машиной.

Кровь из носа и меня, и мать несколько тревожит, но мы пока действуем, исходя из того, что она остановится. Пока яжимаю ей ноздри, она крепко держит – полумесяц, покоящийся у нее на груди, под самым подбородком.

И тут мне в голову приходит великолепная идея. Я стараюсь рассмешить ее, произнося слова так, как произносят их люди с зажатым носом.

– Ну? – говорю я. – Пожалуйста.

– Нет, – отвечает она.

– Ну давай.

– Прекрати.

– *Что?*

* * *

Руки у матери жилистые и сильные. На шее видны вены. На спине веснушки. Она, бывало, показывала фокус: делает вид, что отрывает большой палец, хотя на самом деле, конечно, ничего подобного. Вы же знаете, как это выглядит? Фалангу большого пальца на правой руке ставят так, что она выглядит фалангой левого, а дальше ее начинают дергать вверх-вниз, прикрыв указательным пальцем: прижать – оторвать. Фокус довольно неприятный, тем более в исполнении моей матери: руки у нее дрожали, тряслись, вены на шее вздувались, на лице напряжение, будто палец и впрямь отрывают. Детьми мы смотрели на это зрелище одновременно с восторгом и страхом. Мы понимали, что все это не по-настоящему, мы видели этот фокус десятки раз, но от этого сила его воздействия не уменьшалась, потому что у матери был неповторимый физический облик – она вся состояла из кожи и мышц. Мы заставляли ее показывать фокус нашим друзьям, и их он тоже и завораживал, и приводил в ужас. Но дети ее любили. Все знали ее со школы – в начальной школе она ставила спектакли, поддерживала ребят, чьи родители разводились, она знала их и любила и никогда не стеснялась приобнять каждого, особенно стеснительных, – был у нее какой-то естественный дар понимания, полное отсутствие сомнения в том, что она делает, и от этого людям становилось легко, и это так отличало ее от некоторых других матерей, сентиментальных и неуверенных в себе. Конечно, если ей кто-то не нравился, он сразу чувствовал это. Кто-нибудь вроде Тоби Уилларда – плотного толстячка с вечно невымытыми светлыми волосами, жившего в квартале от нас. Он, бывало, стоял на улице и, когда мать проезжала мимо, показывал ей средний палец. «Плохой мальчик», – говорила она о таких, – и это были не просто слова, мать была наделена некоей внутренней твердостью, с которой приходилось считаться в любых обстоятельствах – и заносила их в чер-

ных список, где они оставались вплоть до момента, пока не извинятся (Тоби, к сожалению, этого не сделал), и тогда снова заслужат, как и все остальные, любовь и ласку. При всей незаурядной физической силе ее главная сила сосредоточивалась в глазах, маленьких голубых глазах, и ее убийственный прищур безошибочно говорил: для защиты того, что ей дорого, она не задумываясь воплотит скрытую во взгляде угрозу, и ничто ее не остановит, – она переедет обидчика, как бульдозер. При этом силу свою она вовсе не демонстрировала, в мышцах ее ощущалась полная непринужденность и уверенность в себе. Готовя салат, она могла порезать палец, чаще всего большой, отрезать кусочек плоти, кровь заливала все вокруг: помидоры, разделочную доску, раковину; и мы с ужасом, боясь, что она умрет, смотрели на нее снизу вверх. А она просто морщилась, подставляла руку под кран, смывала кровь, промокала порез бумажной салфеткой и продолжала нарезать овощи, а кровь медленно сочилась через салфетку и, как и положено, растекалась от центра раны.

Рядом с телевизором стоят наши детские фотографии, в том числе одна, на которой мы – я, Билл и Бет, всем еще не исполнилось семи, – сидим в уютной лодчонке оранжевого цвета, и лица у нас испуганные. По фотографии кажется, что вокруг нас сплошная вода и мы в нескольких милях от берега, по выражению наших лиц иначе не скажешь. Но на самом-то деле до берега не более десяти футов, а мать, в своем коричневом закрытом купальнике с белой каемкой, стоит по шиколотку в воде и снимает нас. Эту фотографию мы знаем лучше всех других, она нам каждый день попадалась на глаза, а цвета на ней – голубизна озера Мичиган, оранжевые борта лодочки, наша смуглая кожа и светлые волосы – это цвета нашего детства. На фотографии мы трое держимся за борт, стремимся наружу, хотим, чтобы мать вытащила нас, пока эта штукавина не утонула или ее не отнесло волной.

– Как учеба? – спрашивает мать.

– Нормально.

Я не говорю ей, что пропускаю занятия.

– Как Кирстен?

– Все хорошо.

– Она мне всегда нравилась. Славная девочка. Бойкая.

Откинувшись на спинку дивана, я думаю о том, что оно приближается, подступает, – как почтовое отправление, как нечто такое, за чем послали. Мы это понимаем, и вопрос состоит лишь в том – когда? Через несколько недель? Месяцев? Ей пятьдесят один. Мне двадцать один. Сестре двадцать три. Братьям – двадцать четыре и семь.

Мы готовы. Мы не готовы. Все всё знают.

Наш дом стоит на обрыве. Наш дом из тех, что уносит торнадо; игрушечный домик от детской железной дороги – беспомощный в черном вихре. Мы слабые и маленькие. Мы – Гренада³². Люди спускаются на землю на парашютах.

Мы ждем, пока всё не прекратит свою работу – все органы и системы поднимут руки вверх: *Всё, кранты*, – признает эндокринная система; *я сделал всё от меня зависящее*, – скажет желудок или то, что от него осталось; *справимся с этим в следующий раз*, – подхватит сердце, дружески похлопывая по плечу.

Примерно через полчаса я убрал полотенце, и мгновение крови не было.

– По-моему, у нас получилось.

– Правда? – спрашивает она, глядя на меня.

– Не течет, – говорю я.

---

³² Гренада – островное государство на юго-востоке Карибского моря, в 1983 году остров был оккупирован в результате американской операции «Вспышка ярости».

Я замечаю, какие большие у нее поры, особенно вокруг носа. Кожа у нее долгие годы оставалась жесткой, с несходившим загаром – не сказать, что это ее портило, но напоминало об ирландских корнях, о том, как далеко она родилась...

Снова пошла, густая с черными засохшими корочками кровь, сначала медленно, потом тонкой алой струйкой. Я снова зажимаю ей ноздри.

– Больно, – говорит она, – не так сильно.

– Извини.

– Я голоден, – доносится чей-то голос. Тоф. Он стоит позади меня, у дивана.

– Чего тебе? – спрашиваю.

– Я голоден.

– Сейчас я не могу тебя накормить. Найди в холодильнике что-нибудь.

– Например?

– Мне все равно, что угодно.

– Например?

– Не знаю.

– А что у нас есть?

– Почему бы тебе самому не посмотреть? Тебе семь, уж посмотреть-то ты вполне способен.

– У нас нет ничего вкусного.

– Ну и не ешь.

– Но я голоден.

– Тогда съешь что-нибудь.

– Но что?

– О господи, Тоф, ну хотя бы яблоко.

– Я не хочу яблоко.

– Пойди сюда, малыш, – позвала мама.

– Поедим попозже, – говорю я.

– Подойди к маме.

– Что поедем?

– Ступай вниз, Тоф.

Тоф идет вниз.

– Он боится меня, – говорит мать.

– Он тебя не боится.

Я выжидаю несколько минут и убираю полотенце, чтобы посмотреть, как там с носом. Нос побагровел. Кровь не сворачивается. Кровь по-прежнему бежит тонкой красной струйкой.

– Не сворачивается, – говорю.

– Знаю.

– Что будем делать?

– Ничего.

– Что значит ничего?

– Остановится.

– Но ведь не останавливается.

– Надо подождать.

– Мы и так уже сколько ждем.

– Надо еще подождать.

– По-моему, надо что-то делать.

– Ждать.

– Когда вернется Бет?

– Не знаю.

– Надо что-то делать.

– Ладно. Звони медсестре.

Я звоню медсестре, которой мы звоним, когда возникают вопросы. Мы звоним ей, когда начинает барахлить капельница, или когда в трубке появляются пузырьки воздуха, или на спине у матери возникают синяки величиной с тарелку. Что касается носа, то она советует зажать его и откинуть голову назад, я говорю, что именно так и делал, но не помогло. Она предлагает приложить лед. Я говорю спасибо, вешаю трубку, иду на кухню и заворачиваю в бумажную салфетку три кубика льда. Возвращаюсь и прижимаю их к переносице.

– Ой! – вскрикивает она.

– Прости, – говорю.

– *Холодно.*

– *Это лед.*

– Я знаю, что это лед.

– *Лед холодный.*

Мне все еще приходится сжимать ей нос, так что левой рукой я сжимаю, а правой прикладываю лед к переносице. Неудобно и не получается делать это одновременно, если сидеть на подлокотнике дивана и смотреть, что происходит на экране телевизора. Я пробую встать на колени рядом с диваном. Перегибаюсь через подлокотник, чтобы одной рукой приложить лед, а другой зажать ноздри. Так получается, но вскоре начинает затекать шея – чтобы видеть экран, мне приходится выворачивать голову на девяносто градусов. Тоже не годится.

Меня осеняет. Через подушки я забираюсь на спинку дивана. Растягиваюсь во всю ее длину, под тяжестью моего тела подушки всхлипывают. Устраиваюсь так, чтобы голова моя и руки были в одном направлении – руки доставали до ее носа, а голова удобно лежала на спинке дивана, и экран было видно. Отлично. Она смотрит на меня, закатывает глаза. Я показываю ей большой палец. Она сплевывает зеленую слюзу в кювету.

Отец не пошевелился. Бет стояла на пороге общей комнаты и ждала. Он находился примерно в десяти футах от дороги. Стоял на коленях, уперев при этом руки в землю и растопырив пальцы, как корни дерева, растущего на берегу реки. Он не молился. На мгновение голова его откинулась назад – он посмотрел вверх, но не на небо, а на деревья в соседнем дворе. Он все еще стоял на коленях. Это он так ходил за газетой.

Плевательница-полумесяц была переполнена. Теперь в ней три цвета – зеленый, красный и черный. Кровь у нее течет не только из носа, но и изо рта. Я сосредоточенно изучаю кювету и замечаю, что три потока слизи не перемешиваются: зеленый более клейкий, чем другие, кровь очень разжижена и плавает по краям. В углу скопилось немного черной жидкости. Возможно, это желчь.

– Что это там черное? – спрашиваю я со своего насеста.

– Желчь, наверное, – говорит она.

Какая-то машина заворачивает на подъездную дорожку и направляется к гаражу. Дверь, ведущая из гаража в прачечную, открывается и закрывается, затем открывается и закрывается дверь в ванную. Бет дома.

Бет занимается спортом. Бет нравится, что на выходные я приезжаю из колледжа домой, это дает ей возможность тренироваться. Она говорит, что ей нужны эти тренировки. Кроссовки Тофа все еще грохочут. Бет входит в комнату. На ней толстовка и леггинсы. Волосы собраны, хотя обычно она ходит с распущенными.

– Привет, – говорю я.

– Привет, – говорит Бет.

– Привет, – говорит мама.

- Ты зачем на спинку дивана забрался? – спрашивает Бет.
- Так проще.
- Проще что?
- Кровь носом идет, – говорю я.
- Вот черт. Давно?
- Минут сорок.
- Медсестре звонил?
- Да, она сказала приложить лед.
- В прошлый раз это не помогло.
- А ты что, уже пробовала?
- Конечно.
- Мам, ты мне этого не сказала.
- Мам?
- Я туда не вернусь.

Мой отец, любитель небольших чудес, сделал однажды нечто почти невозможное. Вот что он придумал: примерно полгода назад он позвал нас, Бет и меня, – Билла не было, Билл был в Вашингтоне, и Тофа тоже не было, – в общую комнату. Матери там почему-то не оказалось, почему именно, не помню. Ну, мы сели, место выбрали как можно дальше от вечно окутывающих его клубов сигаретного дыма. Разговор, если ему предстояло пойти по обычному сценарию, состоял бы из пары ничего не значащих фраз, затем обсуждения дел в целом, потом признания, как отцу трудно сказать то, что он собирается сказать, и так далее, и мы уже постарались устроиться поудобнее, явно не ожидая...

– Ваша мать умирает.

Я уступаю Бет свое место – держать лед и зажимать ноздри. Однако ей мои новации не понравились, и она села не на спинку, а на подлокотник дивана. Полотенце промокло. Рукой ощущаю тепло и влажность крови. Иду в прачечную и бросаю полотенце в раковину, оно шлепается на дно. Я разминаю затекшие руки, достаю из сушилки новое полотенце и кроссовки Тофа. Возвращаюсь, протягиваю полотенце сестре.

Спускаюсь вниз посмотреть, как там Тоф. Я сажусь на ступеньки, откуда видно подвал – комнату отдыха, переделанную в спальню, а затем снова – в комнату отдыха.

- Привет, – говорю я.
- Привет, – говорит Тоф.
- Как дела?
- Хорошо.
- Ты все еще голодный?
- Что?
- Голодный, спрашиваю?
- Что?
- Заканчивай эти дурацкие игры.
- Ладно.
- Ты меня слышишь?
- Да.
- Ты меня слушаешь?
- Да.
- Есть хочешь?
- Да.
- Закажем пиццу.

– Хорошо.

– Вот твои кроссовки.

– Высохли?

– Да.

Я возвращаюсь наверх.

– Надо это вылить, – говорит Бет, указывая на кювету-полумесяц.

– Я, что ли, должен?

– А почему не ты?

Я медленно проношу кювету над головой матери и иду на кухню. Она полна до краев. Содержимое колышется. На полпути я проливаю большую часть себе на ногу и гадаю, насколько едкая эта желчь и что еще там в этой кювете. *Может эта слизь прожечь штаны?* Я замираю на месте и смотрю, не прожигает ли она ткань, как кислота, жду, пока появятся дым и постепенно увеличивающаяся в размерах дыра, – как бывает, когда на поверхность попадает кровь инопланетян.

Но ничего не происходит. Все же я решаю переодеть штаны.

Бет зажимает нос матери уже какое-то время. Она сидит на подлокотнике дивана, наклонившись к маминой голове. Из кухни я делаю телевизор погромче. Прошел час.

* * *

Кровь все не останавливается. Бет приходит ко мне на кухню.

– Что будем делать? – шепчет она.

– Надо везти ее туда.

– Нельзя.

– Почему?

– Мы обещали.

– Да брось ты.

– Что?

– Еще не *тот* случай.

– А может тот.

– Может, но не должен.

– Она сама хочет, чтобы тот.

– Не хочет.

– А я думаю, хочет.

– Нет, не хочет.

– Она так сказала.

– Она не всерьез.

– Я думаю, всерьез.

– Не может быть. Это смешно.

– Ты слышал, что она сказала?

– Нет, но и неважно.

– Ладно, а сам что скажешь?

– Думаю, ей страшно.

– Ага.

– И думаю, что она не готова. Ты же тоже не готов?

– Нет, конечно нет. А ты?

– Нет. Нет-нет.

Бет возвращается в общую комнату. Я мою кювету, голова идет кругом от мыслей о логистике. Итак. Ладно. Если кровь идет медленно, но не переставая, как долго это может продол-

жаться? День? Нет-нет, меньше – это ведь не *вся* кровь, до того, как вся кровь вытечет, пройдет... Мы ведь не будем ждать, пока крови не останется *вовсе*; вернее всего, в какой-то момент откажет все остальное... *О господи, сколько же крови всего?* Галлон? Меньше? Это можно выяснить. Можно еще раз позвонить медсестре. Нет-нет, нельзя. Если спросить кого-нибудь, нас заставят привезти ее в больницу. А если станет известно, что мы должны были привезти ее, а мы не привезли, мы окажемся убийцами. Можно позвонить в скорую и сказать, например: «Привет, для урока я готовлю доклад о медленном кровотечении...» Блядь. Полотенец нам хватит? О господи, нет. Можно заменить их простынями, у нас куча простыней... Может, осталось всего несколько часов. Этого времени хватит? А на что должно хватить-то? Мы будем много говорить. Да. Будем подводить итоги. Надо быть серьезными и здравомыслящими? Или веселыми? Какое-то время, несколько минут, мы будем серьезными... Окей, всё-всё. Бля, а что, если в разговоре повиснет пауза?.. Мы уже сделали необходимые приготовления. Да-да, нам не придется обсуждать детали. Мы позовем Тофа. Надо же позвать? Конечно, хотя... нет-нет, ему здесь не место, верно? Да и кому вообще захочется присутствовать до самого конца? Никому, никому. Но не оставлять же ее одну... конечно, она не останется одна, ты, болван, будешь с ней, Бет будет. Бля. Надо позвонить Биллу. Кому еще? Кому-то из родни? Никаких дедушек-бабушек, ее родителей и родителей отца, ее сестры Рут нет, ее сестра Грейс жива, но где она – неизвестно, скрывается, хиппи чертова... Бля... От некоторых людей уже много лет ничего не слышно. Так, теперь друзья. Кому звонить? Кому-то из волейбольной команды из школы Монтессори... черт, мы точно кого-нибудь забудем... Ну и забудем, но нас поймут, должны понять... Блядь, мы ведь все равно уезжаем, переезжаем, когда все это закончится, бля... Конференц-звонок? Нет-нет – было бы странно. Странно, но смысл есть, точно есть смысл, да и занятно может получиться, люди болтают, много голосов, этим можно воспользоваться. Голоса отвлекут, тихо не будет, тишина – это нехорошо, нужен шум. Придется подготовить их, предупредить, но, черт, что сказать-то? «Все происходит так стремительно», – что-нибудь в этом роде, туманно, но и с достаточной ясностью, надо сделать по-тихому, не прямо. Взять вторую трубку на кухне, предупредить, пока мама не добралась до телефона... Так срывается, на линии будут все разом... Надо позвонить в телефонную компанию, пусть всё устроят... Подключена у нас такая услуга? Удержание вызова точно есть, а вот конференц-звонок – скорее всего, нет, точно нет, бля... Нам нужна громкая связь, вот что нам нужно. Тогда все получится, громкая связь... Я мог бы купить динамик для громкой связи, я мог бы съездить за ним в «Кмарт»³³, надо взять машину отцовскую, она быстрее маминой, гораздо быстрее... А там механическая коробка? Нет-нет, автомат, я справлюсь, раньше никогда ее не водил, но справлюсь, без проблем, машина быстрая, разгонюсь на шоссе... Черт, ехать минут двадцать туда-обратно, да еще время на покупку, а что, если нужной штуки нет – может, сперва позвонить, конечно, можно позвонить и спросить, есть ли у них эта штука... И надо бы еще понять, что у нас за телефон, совместим ли он с динамиком, – так, «Сони» – а потом... Черт, почему я вообще должен куда-то ехать? Бет здесь весь год живет, у нее полно свободного времени, пусть Бет едет, конечно Бет, Бет поедет, Бет поедет – только она решит, что никакого динамика не нужно, забудь, скажет, про это... Может, и хрен с ним. Хрен. Хрен. Хрен. Чем громкая связь, на самом деле, поможет? Конечно, не поможет, нам все равно понадобится подключение конференц-связи. Позвоним Биллу, и тете Джейн, и кузинам Съюзи и Джейни – дочерям Рут, может, еще кузену Марку. Вот и всё. Телефонный разговор займет, наверное, минут двадцать, потом ненадолго приведем Тофа, как бы просто так, между делом, в легкую, поразвлекаться-поиграть, поиграть-поразвлекаться, в легкую – стало быть, минут двадцать в компании с Тофом, потом... Так, момент, у нас вообще сколько времени? Сколько еще кровь из носа идти будет? Может,

³³ «Кмарт» – сеть розничных магазинов в США (основана в 1899 г.), торгующих, в частности, электронной и бытовой техникой.

два часа, а то и больше, запросто целый день – о господи, способен это кто-нибудь сказать? Навскидку в лучшем случае два часа... Стоп! Я знаю, как остановить кровь. Да. У меня получится. Побольше льда. Переложу ее, переверну, наклоню – гравитация. Нос зажму посильнее, на сей раз посильнее; наверное, раньше слишком слабо было... Бля. А что, если не сработает? Не сработает. Нельзя тратить последние часы на эту возню, нет, пусть все будет как будет. Телик надо выключить. Но не слишком ли драматично? Бля, а почему и нет, мы же у себя дома, мы можем... Ладно, черт, спросим ее саму, пусть мама решит, выключить телевизор или пусть работает, ее же шоу... Ну и фразочка «ее шоу», вот же неуважение, тупая я скотина. Блядь. Ладно, какое-то время у нас есть, можно посидеть с ней, поболтать, просто посидеть, хорошо... Господи, да какое там *хорошо*, когда вокруг все в крови... Это же невозможно... А может, все-таки... Ведь кровь течет так медленно... Может течь несколько дней, сколько дней пройдет, пока все не вытечет, но, может, так и нужно, это естественно, вытечет медленно, как когда пиявок ставят... Да нет, *мудак ты, больной мудак*, – какие пиявки. Стоит потом рассказывать, как все было? Точно нет. Скажем: умерла дома. Вполне приличное объяснение. Так, помнится, говорили о том парне, который застрелился после выпускного вечера, и о парне с художественного факультета с глазами Марти Фельдмана³⁴. А еще была женщина с раком костей, она заперлась у себя дома и подожгла его. Невероятно. Что это было – акт мужества или она спятила? Так легче, что ли, – спалить все вокруг? Да. Нет. «Умерла дома». Так и скажем, ни слова больше. Так или иначе все всё узнают. И никто ничего не скажет. Прекрасно. Прекрасно. Прекрасно.

Я выливаю содержимое кюветы в раковину, поверх скопившихся там объедков. Включаю воду и измельчитель отходов, который все перемалывает. Голос Бет доносится из комнаты.

- Мам, надо ехать.
- Нет.
- Серьезно.
- Нет.
- Надо.
- Ничего не надо.
- Хорошо, чего ты хочешь?
- Остаться здесь.
- Но это невозможно. У тебя идет кровь.
- Вы говорили, что мы останемся здесь.
- Мам, ну, прошу тебя.
- Ты обещала.
- Но это же безумие.
- Вы обещали.
- Нельзя же просто лежать и истекать кровью.
- Позвоните еще раз медсестре.
- Мы уже звонили. И не раз. Она говорит, чтобы мы привезли тебя. Они нас ждут.
- Позвоните другой медсестре.
- Мам, ну прошу тебя.
- Идиотизм.
- Не надо называть меня идиоткой.
- Я не называла тебя идиоткой.
- Так кого же ты только что назвала дураком?
- Никого. Я просто сказала, что это идиотизм.
- Что идиотизм?

³⁴ Марти Фельдман (1934–1982) – английский комедийный актер.

- Что от крови из носа можно умереть. Я лично не собираюсь.
- А медсестра сказала, что это возможно.
- И доктор сказал, что это возможно.
- Если мы поедem туда, то мне уже не вернуться.
- Вернешься.
- Нет.
- О господи.
- Я не хочу туда ехать.
- Мама, не плачь, пожалуйста.
- Не говори так.
- Извини.
- Мы тебя вытащим оттуда.
- Ма?
- Что?
- Ты выйдешь оттуда.
- Вы хотите, чтобы я там осталась.
- О господи.
- Вы только посмотрите на себя. Вылитые Труляля и Траляля³⁵.
- Чего?
- У вас просто планы на сегодняшний вечер.
- Господи.
- Это же новогодняя ночь. И у вас свои планы!
- Ладно, лежи, истекай кровью. Пока не умрешь.
- Мам, ну пожалуйста.
- Лежи, и пусть себе кровь течет. Только у нас полотенце не хватит. Надо сходить в магазин за новыми.
- Ма?
- И диван испортишь.
- Где Тоф? – спрашивает она.
- Внизу.
- Что он там делает?
- Играет.
- Что он будет делать?
- Он поедет с нами.

В дальнем конце подъездной дорожки отец стоял на коленях. Бет смотрела на него через серое зимнее окно, и на какой-то миг, буквально на секунду, эта картинка ей даже понравилась. А потом она поняла. Он падал. На кухне, в ванной. Она помчалась к двери, рванула ее на себя и побежала к отцу.

Я разгребаю заднее сиденье универсала, стелю одеяло, кладу подушку к боковой двери и запираю ее. Затем возвращаюсь в дом.

- Ну, и как я окажусь в машине? – спрашивает она.
- Я тебя отнесу, – говорю я.
- Ты?
- Ага.
- Ха-ха!

---

³⁵ Персонажи «Алисы в Стране чудес».

Мы берем ее куртку. И еще одно одеяло. Берем кювету. Пакет для вливаний. Запасной халат. Тапочки. Перекус для Тофа. Бет относит все это в машину.

Я открываю дверь в подвал.

– Тоф, едем.

– Куда?

– В больницу.

– Зачем?

– На осмотр.

– Сейчас?

– Да.

– А мне обязательно ехать?

– Да.

– Лучше я останусь с Бет.

– Бет едет с нами.

– Тогда останусь один.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что нельзя.

– Но почему?

– Все, Тоф, довольно, иди сюда.

– Ладно.

Не уверен, что мне удастся ее поднять. Не знаю, сколько она весит. Может, сто фунтов, а может, сто пятьдесят. Я открываю дверь в гараж и возвращаюсь. Отодвигаю стол от дивана. Опускаюсь рядом с ней на колени. Завожу одну руку под колени, другую – под спину. Она пытается сесть.

– С колен тебе не встать.

– Ну да.

Я поднимаюсь с колен и нагибаюсь.

– Обхвати меня за шею, – говорю.

– Осторожнее, – говорит она.

Она обхватывает меня за шею. Рука у нее горячая.

Так, задействуем ноги. Я прижимаю полы халата к ее ногам под коленями. Не представляю себе, какой может быть кожа в этих местах. Боюсь того, что может обнаружиться под халатом, – синяки, пролежни, язвы. Там наверняка есть синяки, мягкие участки... там, где все сгнило. Я встаю на ноги, она тянется свободной рукой к той, что обнимает меня за шею, дотягивается, сплетает пальцы. Она легче, чем я думал. И не такая истощенная, как я боялся. Я обхожу кресло, стоящее рядом с диваном. Однажды я видел, как они, мать с отцом, вместе сидели на этом диване. Я иду по коридору в гараж. Белки у нее пожелтели.

– Смотри, чтобы я головой не ударилась.

– Не беспокойся.

– Смотри.

– Не беспокойся.

Мы переступаем через порог первой двери. Под ногами скрипят прогнившие половицы.

– Ой!

– Извини.

– Ой-ой-ой-ой.

– Извини, извини, извини. Ты цела?

– М-м-м-м.

– Извини.

Дверь в гараж открыта. В гараже очень холодно. Она втягивает голову в плечи, я захожу внутрь. Я представляю молодоженов, он переносит ее через порог. Она беременна. Залетевшая невеста. Опухоль – воздушный шар. Опухоль – фрукт, пустотелая тыква. Она легче, чем я думал. Я думал, из-за опухоли она будет тяжелее. Опухоль большая и округлая. Мать натягивает на нее штаны, точнее, раньше натягивала штаны с эластичным поясом, до того как стала носить халат. Но она легкая. Опухоль легкая, пустая, воздушный шар. Опухоль – гнилой фрукт, посеревший по краям. Или улей – черный и живой, с неясными краями. Нечто с глазами. Паук. Тарантул с растопыренными ножками, ножками-метастазами. Воздушный шар, вымазанный грязью. Цвета грязи. Или даже черный, и блестит. Как икра. Цвета икры, и формы тоже, и размером с шарик. Тоф – поздний ребенок. Ей было уже сорок два, когда он родился. Беременной она каждый день ходила в церковь молиться. Когда пришел срок, ей разрешили живот, ребенок был здоровый, все на месте.

Я захожу в гараж, она сплевывает. Хорошо слышный булькающий звук. Сейчас у нее нет ни полотенца, ни кюветы. Зеленая слизь стекает по подбородку на халат. Подступает вторая волна, но она надувает щеки и прикрывает рот ладонью. Зеленая слизь размазывается по лицу.

Дверца машины открыта, и я первым делом просовываю внутрь ее голову. Она сводит плечи, хочет уменьшиться, чтобы легче было пролезть. Я перебираю ногами, встаю поудобнее. Двигаюсь медленно. Почти не двигаюсь. Она – ваза, она – кукла. Огромная ваза. Огромный фрукт. Овощ-чемпион. Я просовываю ее в дверь. Наклоняюсь, устраиваю на сиденье. В этом халате, которым она застенчиво старается прикрыть ноги, она кажется маленькой девочкой. Она поправляет подушку и откидывается на нее.

Устроившись, она тянется к лежащему на полу машины полотенцу, прижимает его к рту, сплевывает и вытирает подбородок.

– Спасибо, – говорит она.

Я закрываю дверцу и сажусь на пассажирское место. Бет выходит из дома с Тофом, на нем зимнее пальто и теплые рукавицы. Бет открывает заднюю дверь, Тоф залезает внутрь.

– Привет, малыш, – говорит мама, неловко выворачивая голову и глядя на него.

– Привет, – говорит Тоф.

Бет садится на водительское место, поворачивается и хлопает в ладоши.

– Ну, вперед!

Видели бы вы похороны моего отца. Кого только не было – учителя третьих классов, друзья матери, несколько человек с отцовской работы, которых никто не знал, родители наших друзей. Все закутанные до самого носа, с остекленевшими от холода глазами, топали на коврике у входа, стряхивая налипший снег. Шла третья неделя ноября, морозы наступили необычно рано, дороги обледенели – давно такого не было.

Все выглядели потрясенными. Ни для кого не было секретом, что моя мать болеет, что с ней в любой момент может случиться все что угодно, но от него такого сюрприза не ждали. Никто не знал, что делать и что сказать. Не то чтобы у отца было много знакомых – общался он мало с кем, по крайней мере, в городе – так, всего несколько приятелей, но мать многие знали и, наверное, чувствовали, что пришли к приведению, которое хоронит своего мужа.

Мы чувствовали себя неловко. Все было так безвкусно, так ужасно – мы вынуждены были пригласить людей в дом в момент распада нашей семьи. Мы всем улыбались, пожимали руки. А, это вы, здравствуйте, – приветствовал я миссис Глэкинг, свою учительницу из четвертого класса, которую не видел добрых десять лет. Выглядела она хорошо, ничуть не изменилась. Все толпились в холле, мы смущались и извинялись, стараясь хоть как-то разрядить атмосферу. Мама, одетая в платье в цветочек (оно лучше всего скрывало устройство для внутривенного вливания), сначала встречала всех стоя, но вскоре вынуждена была сесть, она всем улыбалась: здравствуйте, добрый день, спасибо, вам спасибо, как поживаете?.. Я подумал было отослать

Тофа в другую комнату – отчасти ради него самого, а отчасти чтобы гости не видели всей ужасающей картины, но он сам ушел с кем-то из приятелей.

Священник – дородный незнакомец, одетый в черное, белое и это неоновое-зеленое, которое они носят, пребывал в растерянности. Отец был атеистом, так что священник, который знал его только по нашему рассказу, услышанному час назад, говорил о том, как отец любил свою работу (*На самом деле любил?* – задумались мы, но ответа так и не нашли) и как он любил гольф (это правда, на сей счет у нас сомнений не было). Затем поднялся Билл. Он был хорошо одет, умел носить костюмы. Он отпустил пару острот, весело пошутил, пожалуй, с весельем немного перестарался, полагая, наверное, что один-другой анекдот разогреет народ (в то время он часто выступал на публике). Мы с Бет несколько раз ткнули мать в бок и тут же устыдились: мы с детства дразнили его и издевались над его пресной серьезностью. Потом все потянулись на выход, не сводя глаз с медленно переставляющей ноги матери, каждому улыбающейся, довольной встречей со всеми этими людьми, которых давно уже не видела. Мы немного задержались в фойе, объясняя всем, что дома будут устроены скромные поминки, сочувствующие принесли нам так много еды, за что спасибо, так что, если кто захочет прийти, будем рады.

Пришли многие: друзья матери, брата, сестры, мои друзья по школе и колледжу, приехавшие домой на День благодарения, – и когда все собрались этим темным зимним вечером, я попытался превратить это суровое по сути мероприятие во что-то повеселее. Я намекнул, что неплохо, если бы кто-нибудь сходил за пивом, – *Ящика, наверное, хватит, дружище*, – прошептал я на ухо Стиву, своему приятелю по колледжу, но никто так и не сходил. Я думал, что стоит напиться, и не из скорби или чего-то вроде того, а просто – у нас ведь вечеринка, не так ли?

Билл приехал из Вашингтона вместе со своей девушкой, которая нам не понравилась. Кирстен приревновала меня к Марни, моей бывшей, которая тоже пришла. Рассевшись в гостиной, мы, не сняв черные пиджаки и галстуки, попробовали было поиграть в викторину, но особенного веселья не получилось, тем более без пива. Тоф с другом играли в «Сегу» в подвале. Мать, в окружении приятельниц по волейбольной команде, устроилась на кухне, они пили вино и громко смеялись.

Зашел Лес. Это был единственный из друзей отца, которого мы действительно знали, о котором что-то слышали. Когда-то, много лет назад, они работали вместе в адвокатской конторе в центре города, но и потом, когда пути их разошлись, по-прежнему время от времени встречались в Чикаго. Когда Лес с женой, собираясь уходить, отыскивали свои пальто и шарфы, мы с Бет подошли к ним сказать спасибо. Лес, человек добродушный и веселый, завел разговор о стиле вождения моего отца.

– Лучше водителя я в жизни не встречал, – говорил он, восхищаясь. – Такой плавный ход, такая точность во всем. Невероятно. Он видел ситуацию на дороге на три-четыре хода вперед, едва притрагиваясь пальцами к рулю.

Мы с Бет жадно слушали его слова. Прежде об отце нам никто ничего не рассказывал, и мы ничего о нем не знали, кроме того, что видели собственными глазами. Мы попросили Леса рассказать еще что-нибудь, хоть что-то. Он сказал, что отец любил называть Тофа «Жопкиным».

– Я даже долго не знал, как его по-настоящему зовут, – признался Лес, набрасывая на плечи пальто, – Жопкин и Жопкин.

Лес классный, по-настоящему классный. Сами мы этого прозвища никогда не слышали. Дома оно ни разу не прозвучало. Я пытался представить себе, как отец его произносит, как они с Лесом сидят в ресторане и он рассказывает другу всякие веселые истории про Стоша и Йона, двух рыболовов-поляков. Нам хотелось, чтобы Лес остался. Чтобы Лес рассказал, что отец говорил про меня, про всех нас, про семью, знал ли он, что был болен, сдался ли он (и почему сдался). И еще: Лес, почему он продолжал ходить на работу, хотя дни его были

уже сочтены? Можете рассказать, Лес? Ведь всего за четыре дня до смерти он был на работе. Когда вы последний раз с ним разговаривали, Лес? Что ему было известно? Вам он что-нибудь говорил? И если говорил, то что?

Мы пригласили Леса как-нибудь зайти поужинать. Да, говорит, обязательно, в любое удобное для вас время. Только позвоните.

Когда я последний раз видел отца, то не знал, что это последний раз. Он лежал в отделении интенсивной терапии. Я приехал из колледжа навестить его, но поскольку диагноз поставили буквально накануне, я толком ничего и не понял. Его ждало обследование и лечение для восстановления сил, и через несколько дней он мог вернуться домой. Мы приехали в больницу вместе с матерью, Бет и Тофом. Дверь в палату, где лежал отец, была закрыта. Мы толкнули ее – она оказалась тяжелая – и застали отца курящим. В отделении интенсивной терапии. Окна были закрыты, полно дыма, невероятная вонь, а посреди всего этого мой отец, который явно был нам рад.

Мы больше молчали, чем говорили. Пробыли, может, минут десять, забившись в дальний угол палаты, лишь бы быть подальше от дыма. Тоф спрятался у меня за спиной. На каком-то аппарате, установленном рядом с кроватью отца, бегали зеленые огоньки: то вспыхнут, то погаснут, погаснут – вспыхнут. А еще один – красный – горел все время.

Отец полусидел на кровати, откинувшись на две подушки. Нога на ногу, руки за головой. Улыбался, будто выиграл главный в своей жизни приз.

После ночи в реанимации и дня в отделении интенсивной терапии мать перевели в хорошую палату: просторную, с огромными окнами.

– Это палата для умирающих, – говорит Бет. – Смотри, сколько места, есть где с родственниками пообщаться, можно остаться на ночь...

В палате было дополнительное спальное место – большой раздвижной диван, на нем мы и устроились, не раздеваясь. Уезжая из дому, я забыл переодеть штаны, и пятно стало коричневым с черными краями. Время позднее. Мама спит. Тоф спит. Раздвижной диван не особенно удобен. В тело сквозь матрас впиваются металлические перекладины.

Над кроватью матери горит светильник, образуя вокруг ее головы слишком драматичный янтарный нимб. Стоящий за кроватью аппарат похож на аккордеон, только светло-голубого цвета. Вертикально растягивающийся, он издает чмокающий звук. Я прислушиваюсь к этому звуку, и дыханию мамы, и гудению других аппаратов, и гудению обогревателя, и дыханию Тофа, близкому и спокойному. Мама дышит тяжело, неровно.

– Тоф храпит, – говорит Бет.

– Знаю, – говорю я.

– Разве дети храпят?

– Не знаю.

– Послушай, как она дышит. Прерывисто. С большими паузами.

– Ужас.

– Да. Иногда секунд двадцать между вдохом и выдохом.

– Полное безумие.

– Тоф во сне лягается.

– Знаю.

– Смотри, отрубился уже.

– Знаю.

– И постричься ему надо.

– Да.

– Хорошая палата.

– Да.

- Правда, телевизора нет.
- Это, конечно, странно.

Когда большинство гостей ушли, мы с Кирстен направились в родительскую ванную. Кровать в комнате скрипит, да и не хотели мы там спать – комната пахла, как мой отец: подушки и стены пропитаны серым запахом дыма. И вообще, мы туда заходили, только чтобы стянуть мелочь из комода либо через окно выбраться на крышу – туда можно было попасть только через окно в их комнате. Все в доме спали – кто внизу, кто в спальнях, а нам с Кирстен осталась родительская гардеробная. Мы принесли с собой одеяла и подушку и постелили на ковре, между гардеробом и душевой кабиной у зеркальной двери шкафа.

– Так странно, – сказала Кирстен. Мы с ней познакомились в колледже, встречались уже несколько месяцев, хотя долго старались особо не сближаться, – мы очень нравились друг другу, но я боялся, что такая рассудительная девушка и к тому же красotka быстро меня раскусит, – пока однажды она не поехала вместе со мной домой на выходные, мы пошли на озеро, и я рассказал ей, что мать у меня болеет, конец ее близок, а она сказала, что это странно, потому что у ее матери тоже опухоль мозга. Я знал, что ее отец бросил семью, когда она была маленькой, что с четырнадцати лет она работала круглый год, я знал, что она сильная, но вот с ее губ слетело это новое слово, это смутное словечко. И с тех пор наши отношения стали более серьезными.

- Слишком странно, – сказала она.
- Да нет, все хорошо, – сказал я, раздевая ее.

Все спали: мать в комнате Бет, мой друг Ким на диване в гостиной, мой друг Брук на диване в большой комнате, Бет в моей старой комнате, Билл в подвале, Тоф в своей комнате. Мы молчали. Ничего больше не осталось.

Бет вспоминает первой, посреди ночи, и порывисто вздыхает. Все последние дни мы смутно держали это в уме, но потом забыли и опомнились только сейчас, в 3:21 ночи, что завтра – сегодня – у нее день рождения.

- Черт.
- Ш-ш-ш.
- Она не слышит. Спит.
- Что будем делать?
- Тут есть магазин подарков.
- Она не узнает, что мы почти забыли.
- Верно. Воздушные шарик.
- Цветы.
- Надо подписать, что это от Билла тоже.
- Ага.
- Может, какую-нибудь мягкую игрушку?
- Это будет слишком банально.
- Какие еще варианты?
- Ой!
- Что?
- Тоф лягнул меня.
- Ворочается во сне. На сто восемьдесят градусов.
- Слышишь?
- Что?
- Слушай!
- Что?

- Ш-ш-ш! Она не дышит.
- Давно?
- Кажется, целую вечность.
- Блядь.
- Погоди. Кажется, задышала.
- О господи, странно-то как.
- Ужасно.
- Может, отложим день рождения до возвращения домой?
- Нет, нужно что-то сделать сейчас.
- Мне не нравится, что палата на первом этаже.
- Да, но сама-то комната хорошая.
- Мне не нравится свет с улицы.
- А...
- Может, задернем шторы?
- Нет.
- А утром?
- Нет, зачем?

4:20. Бет спит. Я сажусь и смотрю на маму. У нее снова отросли волосы. Так долго у нее не было волос. За несколько лет как минимум пять париков сменила, один откровеннее другого, как и любые парики. Один слишком большой. Другой слишком темный. Третий слишком кудрявый. Четвертый с проседью. Хотя все выглядели более или менее естественно. Странность заключается в том, что ее нынешние настоящие волосы вились сильнее, чем прежние настоящие, и даже сильнее, чем самый кудрявый из париков. И стали темнее. Сейчас ее волосы больше похожи на парик, чем любой из париков.

- Забавно, как у тебя отросли волосы, – сказал как-то я.
- Что тут забавного?
- Что они стали темнее, чем раньше.
- Ничего подобного.
- Точно, точно. Ты же была почти седой.
- Нет. Всего несколько седых волос.
- Всего несколько было десять лет назад.
- Никогда они не были седыми.
- Ладно, как скажешь.

Я снова лег. Бет дышит тяжело и ровно. Потолок походит на молоко. Потолок медленно движется. По углам потолок темнее, чем в середине. Потолок походит на сливки. Металлическая перекладина, разделяющая пополам и поддерживающая матрас снизу, впивается нам в спину. Потолок плывет.

Когда мой отец находился в реанимации, примерно за полтора дня до того, как сдаться, к нему пришел священник, видимо, для проведения последнего обряда. Поговорив с ним и выяснив цель визита, отец сразу велел ему уходить, выгнал. Когда потом врач рассказывал эту историю, которая стала чем-то вроде легенды, он ссылаясь на поговорку, что в окопах не бывает атеистов. «Говорят, в окопах атеистов не бывает, – сказал врач, глядя в пол, – но тут... *вот те на!*» Отец даже не позволил ему прочитать какую-нибудь краткую молитву, например, «Аве, Мария» или что там. Священник, наверное, знал, что отец в церковь не ходит и ни к какой конфессии не принадлежит. Но, полагая, что оказывает услугу, хотел дать ему шанс на искупление, получить выигрышный – один на тысячу – билет на спасение души. Однако, понимаете ли, мой отец относился к религии с таким же терпением, как и к коммивояжерам, зво-

нящим в дверь. Он любезно улыбался, быстро и дружелюбно говорил «спасибо не надо», после чего решительно дверь закрывал. Именно так поступил он и с этим несчастным, желавшим ему добра священником: широко улыбнулся и, будучи не в силах подняться, чтобы закрыть перед беднягой дверь, просто сказал:

- Спасибо, не надо.
- *Но, мистер Эггерс...*
- *Спасибо, не надо, всего хорошего.*

Мы заберем ее отсюда через несколько дней. Мы с Бет поклялись забрать ее, придумали, как вытащить, даже если доктора будут против: укроем ее на каталке, сами наденем белые халаты и темные очки, по-быстрому доведем ее до машины. Я пересажу ее, Тоф, если понадобится, отвлечет внимание окружающих – попрыгает, попляшет, что-нибудь в этом роде. А потом мы все запрыгнем в машину и уедем, отвезем ее домой – *победа! у нас получилось! у нас получилось!* – достанем где-нибудь больничную койку и поставим ее в гостиной, на месте дивана. Организуем сиделку, которая будет с ней круглые сутки, – койку и сиделку организует одна женщина, миссис Реншлер, она когда-то жила на другой стороне улицы, в доме, на который смотрел, стоя на коленях, отец. Она давно отсюда переехала, но всего лишь в другой район города, но снова внезапно появилась – она работает в хосписе и все устроит, она утешит нас, и мы полюбим ее, хотя прежде ее и не знали. Одной из сиделок будет крупная средних лет чернокожая женщина из северного Чикаго, говорящая с южным акцентом, она привезет с собой Библию, иногда будет плакать, вздрагивая плечами. Будет еще одна сиделка, помоложе, угрюмая русская, которая будет казаться вечно чем-то недовольной, и выполнять свою работу поспешно и резко, и дремать, когда мы ее не видим. И еще одна, которая появится на один день, но больше не придет. Еще женщины, подруги матери, будут навещать ее – при макияже и в мехах. На неделю из Массачусетса придет миссис Динин, старинная приятельница нашей семьи, ей захочется повидаться с матерью, она будет ночевать в подвале и целыми днями толковать о духовности. Будет необычайно много снега. Сиделки будут мыть маму, когда нас нет в комнате или когда мы спим. Мы будем проверять ее днем и ночью – заходить к ней в комнату и, если мать не бодрствует, замрем от страха, потом возьмем себя в руки, подойдем к кровати и поднесем руку к ее рту, проверить, что она дышит. Однажды она скажет нам вызвать ее сестру Джейн, и мы заплатим за авиабилет, и как раз вовремя. Когда, сразу из аэропорта, мы привезем тетю Джейн домой и она сядет у кровати матери, до этого времени не встававшей несколько дней, мама вскочит, словно ребенок, очнувшийся от страшного сна, и обнимет сестру, а та широко улыбнется и закроет глаза. Будет бесконечный поток посетителей, они будут сидеть рядом с матерью и болтать о последних событиях, потому... потому что умирающие не любят говорить о смерти, они скорее готовы выслушать, кто разводится или чьи заболевшие дети либо уже поправились, либо идут на поправку. Будут приносить домашнюю выпечку. Будет отец Майк – молодой рыжеволосый священник, который ясно даст понять, что не собирается никого обращать в свою веру и отслужит мессу в комнате, где лежит мать, и обойдется без просфоры, потому что у нее нет желудка, и миссис Данин тоже причастится; какую-то часть этой церемонии я смогу наблюдать из кухни, где буду разогревать замороженную пиццу. Из шкафчика наверху принесут четки. Мы зажжем свечи, чтобы заглушить дурной запах, исходящий из ее пор после того, как перестала работать печень. Мы расположимся у кровати и будем держать ее за горячие руки. Внезапно, глубокой ночью, она сядет на кровати, заговорит громко, невнятно. Каждое слово будет казаться последним, пока за ним не последует очередное. Когда зайдет Кирстен, мать вдруг поднимется и будет убеждать ее, что в аквариуме сидит обнаженный мужчина. Мы сдержим смех – она уже несколько дней говорит об этом обнаженном мужчине, и Кирстен с известной долей серьезности подойдет к аквариуму и заглянет в него. На что мать сперва закатит глаза, а потом довольно улыбнется, уверенная в своей правоте. Потом

она снова откинется на подушку, и через несколько дней у нее пересохнет рот, и потрескаются губы, и сиделка будет каждые двадцать минут смачивать их ватной палочкой. Затем последует морфий. С волосами, которые почему-то будут выглядеть странно дерзкими, пушистыми, и лоснящейся кожей, загорелой и желтушной, и блестящими губами, она будет выглядеть великолепно. На ней будет купленная Биллом атласная пижама. Мы будем включать музыку. Бет поставит Пахельбеля³⁶, а когда он надоест, включим расслабляющую запись в стиле нью-эйдж, написанную сестрой моего отца тетей Конни, живущей в графстве Марин с говорящим какаду. Дозы морфия станут не хватать. Придется заказывать его вновь и вновь. В конце концов мы получим достаточное количество, и нам разрешат самим определять дозировку, и вскоре мы будем вводить его всякий раз, как она застонет, и он будет течь прямо в нее по прозрачной трубке, и стоны прекратятся.

Когда ее будут забирать, мы выйдем из дома и, вернувшись, обнаружим, что койки тоже больше нет. Мы вернем диван на прежнее место, у стены, где он и стоял, пока койки не было. Несколько недель спустя один мой приятель организует Тофу встречу с игроками баскетбольного клуба «Чикаго Буллз» после тренировки в спортивном зале в Дорфилде³⁷. Тоф прихватит с собой карточки с баскетболистами, по одной или даже две на каждого, в основном новичков, которые ценятся выше, чтоб игроки оставили автограф, и тогда карточки станут еще более ценными. Мы будем наблюдать за тренировкой через окно, а потом они, в пропотевшей форме, выйдут к нам, потому что их попросят об этом, – и Скотти Пиппин, и Билл Картрайт. Подписывая фотографии маркером, который Тоф принесет с собой, они спросят его, почему он не в школе, ведь будет среда, или понедельник, или какой-то еще рабочий день, и он просто пожмет плечами. Той весной мы с Бет будем время от времени вытаскивать его из школы, иногда по поводу, иногда без, желая сохранить видимость нормальной жизни, мы порой просто будем говорить: а пошло оно все... Тоф будет сиять от счастья из-за знакомства с «Быками» и от того, что теперь является обладателем этих до смешного ценных карточек, и по дороге домой мы будем всерьез обсуждать, стоит ли заверить автографы у нотариуса, чтобы никто не сомневался, что Тоф лично их взял. Билл сменит работу, чтобы быть ближе к нам, сразу после волнений³⁸ переберется из Вашингтона в Лос-Анджелес, и станет работать головой уже там. Он будет заниматься всеми денежными вопросами: страховкой и продажей дома, – у нас не было никаких сбережений, вообще ничего; Бет возьмет на себя счета, бланки и вообще все бумаги, а Тоф останется со мной – мы ближе всего по возрасту, да и вообще, это вроде как подразумевалось само собой. Но сначала он закончит третий класс, я же не закончу курс по нескольким предметам, но несмотря на то, что в моем дипломе будет не хватать баллов, церемония выпуска все равно будет, и на нее придут Бет, Тоф и Кирстен, после нее – ужин, но скромный, пусть все будет скромно, ничего особенного. После этого, максимум через неделю, под косые взгляды и поцокивания языками людей, всех этих стариков, мы продадим дом почти со всей мебелью – будь у нас такая возможность, вообще бы сожгли этот блядский дом, – и переедем в Беркли, где Бет поступит на юридический, и мы поселимся все в красивом большом доме с видом на залив, недалеко от парка с баскетбольной площадкой и беговыми дорожками...

Она ворочается, и глаза ее слегка приоткрываются.

Я встаю, диван скрипит. Пол холодный. Без двадцати пять. Тоф перекачивается на то место, где я только что лежал. Я подхожу к матери. Она смотрит на меня. Я наклоняюсь и касаюсь ее руки. Рука горячая.

³⁶ Иоганн Пахельбель (1653–1706) – немецкий композитор и органист.

³⁷ Дорфилд – пригород Чикаго.

³⁸ Массовые беспорядки, которые произошли в Лос-Анджелесе с 29 апреля по 4 мая 1992 года. Причиной стал оправдательный приговор четверым белым полицейским, избившим чернокожего Родни Кинга, оказавшего сопротивление при аресте за превышение скорости. После вынесения приговора тысячи темнокожих американцев, в основном мужчин, вышли на улицы Лос-Анджелеса и устроили демонстрации, переросшие вскоре в беспорядки.

– С днем рождения, – шепчу я.

Она не смотрит на меня. Глаза ее закрыты. Она их слегка приоткрыла, но сейчас они закрыты. Не уверен, что она меня видит. Я подхожу к окну и задергиваю шторы. Деревья голые и черные, как на карандашном наброске. Я сижу в углу, в кресле из жесткого кожаменителя, и смотрю на нее и на светло-голубой аппарат искусственной вентиляции легких. Ритмично работающий светло-голубой аппарат выглядит фальшивкой, элементом театральной декорации. Я усаживаюсь в кресло поглубже и откидываюсь на спинку. Потолок плывет. Молочный потолок, оштукатуренный широкими полукругами, которые медленно движутся, вращаются; потолок колеблется, как поверхность воды. У потолка есть своя глубина или он движется вперед-назад. Или это стены движутся? Быть может, эта комната не реальна. Я на съемочной площадке. В комнате не хватает цветов. А она должна утопать в цветах. Где цветы? Когда открывается сувенирная лавка в больнице? В шесть? В восемь? Я заключаю пари с самим собой – ставлю на шесть. Ставки приняты. Прикидываю, сколько я могу купить цветов. Не знаю, сколько они стоят, – я никогда раньше не покупал цветов. Узнаю, сколько они стоят, и куплю на все деньги, что у меня есть, потом принесу их из магазина в эту комнату. Отличное решение.

Она проснется и увидит их.

– Деньги на ветер, – скажет она.

Она ворочается и открывает глаза. Она смотрит на меня. Я встаю с кресла и подхожу к кровати. Касаюсь ее руки. Горячая.

– С днем рождения, – шепчу я с улыбкой, наклоняясь к ней.

Она не отвечает. Она не смотрит на меня. Она в забытии.

Я снова сажусь в кресло.

Тоф лежит на спине, раскинув руки. Во сне он потеет, независимо от температуры в комнате. Во сне он все время вертится, как стрелка часов. Громко дышит. У него длинные ресницы. Рука свисает с раскладного дивана. Я смотрю на него, и он просыпается. Встает, подходит ко мне, я беру его за руку, и мы проходим через окно, взлетаем в воздух и, пролетев над небрежно нарисованными деревьями, берем курс на Калифорнию.

II.

Посмотрите. Видите нас? Видите нас в нашей маленькой красной машинке? Представьте себе вид сверху, представьте, что вы летите на вертолете или, скажем, на спине птицы, – наша машина гонит вперед, прижимаясь к земле, замедляя ход и напрягаясь, когда дорога идет вверх, но не сбрасывает скорость ниже 60–65 миль в час, вписываясь в повороты шоссе № 1, то беспощадно крутые, то до смешного плавные. Посмотрите на нас, черт вас возьми, посмотрите на нас двоих, выпущенных из рогатки с обратной стороны Луны, мчащихся навстречу тому, что нам причитается. Каждый день мы собираем все, что нам полагается, каждый день нам возвращают долги, да еще, мать их, проценты, всячески выказывая нам расположение, – все нам, черт побери, *должны* – так что давайте сюда все, все. Мы берем все, что хочется, по штуке всего, что найдется в продаже, трехчасовой налет на магазины, цвет по нашему выбору, любая модель, любой цвет, что душе угодно, сколько душе угодно, когда душе угодно. Сегодня дел у нас нет, вот мы и направляемся в Монтару, на пляж в тридцати пяти минутах к югу от Сан-Франциско, едем и распеваем:

Она была одна!
И ничего не знала!
[Какие-то слова слова слова]
Когда мы коснулись друг друга!
Когда мы [рифма с «такой»]
Каждую [слова слова]
Ночь напролет!
Ночь напролет!
И так каждую ночь!
Так что держись!
Держись крепко, детка!
Так, как тебе нужно,
Так, как ты захочешь!

Тоф слов не знает, я какие-то отрывки, но, черт возьми, никто не помешает нам петь. Я хочу, чтобы он спел «Ночь напролет!» вторым голосом. Я начинаю, он подхватывает, вот так, например:

Я: *Ночь напролет!* (выше)

Он: *Но-очь напролет!* (чуть ниже)

Я показываю ему, когда надо вступить, но он лишь непонимающе смотрит на меня. Я показываю пальцем на радио, потом на него самого, потом на его рот, но он по-прежнему не понимает, а мне непросто жестиковать, стараясь в то же время не съехать с дороги прямо в Тихий океан. А еще ему может показаться, что я предлагаю ему съесть радиоприемник. Господи, ну что тут трудного, он же способен все понять. Просто не хочет поддержать меня. Или может он и тупой. Он что, правда тупой?

Ну и хрен с ним, буду петь соло. Я подхватываю мелодию за Стивом Перри³⁹, подражаю его вибрато. У меня отлично получается, ведь я выдающийся певец.

– Ну как, умею я петь? – ору я.

– Что? – орет он.

Окна в машине, между прочим, открыты.

---

³⁹ Стив Перри (р. 1949) – американский певец, вокалист группы Journey.

– Я спросил, умею я петь или как?

Он качает головой.

– Как это понимать? – ору я. – Я умею петь, черт бы тебя побрал!

Он закрывает окно.

– Что ты говоришь? Я не слышу.

– Я спросил, умею я петь или как?

– Нет. – Он улыбается во весь рот. – Совсем не умеешь.

Я опасаясь включать группы вроде Journey, увлечение которыми не принесет ему ничего, кроме позора среди сверстников. Хотя он часто сопротивляется – дети редко понимают, что для них хорошо, – я научил его ценить всех прорывных музыкантов нашего времени – Big Country, Haircut 100, Loverboy⁴⁰ – и считаю, что ему повезло. Его мозг – моя лаборатория, мой депозитарий. Я складываю туда книги по своему выбору, телевизионные шоу, свое мнение об избранных политиках, исторических событиях, соседях, случайных прохожих. Он – моя школа, работающая круглые сутки, моя невольная аудитория, вынужденная переваривать все, что я сочту стоящим. Он везучий малый, очень! И никто меня не остановит. Он мой, и никому меня не остановить, нас не остановить. Попробуйте только остановить нас, сучата! Никто не помешает нам петь, никто не запретит нам издавать звуки пердежа, высовывать в окно руки, чтобы проверить аэродинамические свойства различных поворотов ладони, вытирать содержимое наших носов о сиденья. Никто не запретит попросить Тофа, которому восемь, подержать руль на прямом участке, пока я стягиваю толстовку, потому что неожиданно стало, бля, по-настоящему жарко. Никто не помешает нам бросать жирные обертки из-под вяленого мяса прямо на пол, или уже восемь дней хранить вещи из прачечной в багажнике, потому что нам было не до этого. Никому не помешать Тофу оставить под сиденьем наполовину пустую упаковку апельсинового сока, и картон будет гнить, а сок забродит, и дышать в машине будет невозможно, но несколько недель источник вони будет неясным, так что придется все время держать окна открытыми, пока наконец сок не обнаружится, а Тоф будет зарыт по шею на заднем дворе и вымазан медом – именно так с ним стоило поступить, учитывая его роль во всем этом безобразии. Никто нам не помешает с жалостью взирать на всех жалких обитателей этого мира, не благословленных нашими чарами, не подвергнутых нашим испытаниям, не покрытых шрамами и потому слабых и студенистых. Никто не помешает мне требовать, чтобы Тоф комментировал людей, едущих по соседней полосе.

Я: Посмотри на этого лузера.

ОН: Вот же *урод!*

Я: А этот.

ОН: *О господи!*

Я: Доллар, если помашешь этому типу.

ОН: Сколько?

Я: Доллар.

ОН: Мало.

Я: Ладно, пятерку, если покажешь ему фигу.

ОН: Почему фигу?

Я: Потому что он этого заслуживает!

ОН: Ладно.

Я: Почему не показал?

ОН: Просто не смог.

---

⁴⁰ Big Country (*англ.* Большая страна) – шотландская рок-группа, образованная в 1981 году. Haircut 100 (*англ.* Прическа номер сто) – британская группа новой волны, образованная в 1980 году. Loverboy (*англ.* Герой-любовник) – канадская рок-группа, образованная в 1979 году.

Это нечестно. Матч «Мы против Них (или вас)» – нечестный. Мы опасны. Мы дерзки и бессмертны. Туман клубами поднимается из-под утесов и стелется по шоссе. В тумане появляются голубые разрывы, и сквозь голубизну вдруг вырывается солнце.

Справа от нас океан, а поскольку мы находимся в сотне футов над водой и часто нас ничего от нее не отделяет, кроме дорожного ограждения, небо оказывается не только над, но и под нами. Тофу не нравятся скалы, он не смотрит вниз, но мы едем сквозь небо, облака кучкуются над дорогой, сквозь них поблескивает солнце, а небо и океан внизу. Только отсюда земля кажется круглой, только здесь горизонт закругляется по краям, только тут боковым зрением можно заметить изгиб нашей планеты.

Только здесь ты почти уверен в том, что несешься по большому светящемуся, неуловимо вращающемуся ша-ру, – в Чикаго этого никогда не замечаешь, там все плоское, выпрямленное. А еще, еще мы *избраны*, мы избраны, понимаете вы это, все это нам дано, все это мы заслужили, все это: голубое небо для нас, солнце заставляет проезжающие машины сверкать, как игрушки, для нас, океан волнуется и бурлит для нас, шумит и шепчет для нас. Мы это заслужили, понимаете; это наше, понимаете? Мы в Калифорнии, живем в Беркли, и небо здесь больше, чем мы когда-либо видели, – оно никогда не кончается, его видно с верхушки каждого второго холма – о, эти холмы! – с каждого поворота на дорогах Беркли и Сан-Франциско... У нас есть дом, сняли его на лето, с видом на весь окружающий мир, он стоит на верхушке холма в Беркли, принадлежит каким-то скандинавам – людям, у которых, по словам Бет, должны быть деньги, потому что место-то завидное, – дом стоит высоко, полно окон, и света, и террас, и нам видно все: слева Окленд, справа Эль Черрито и Ричмонд, на той стороне залива округ Марин, а внизу Беркли с его красными крышами, поросший цветной капустой и водосбором, похожими на только что взорвавшиеся петарды. И все эти люди внизу, людишки; виден тяжеловесный Бэй-Бридж, Ричмонд-Бридж, низкий и прямой, как стрела, Золотые Ворота⁴¹, красные зубочистки и веревка между ними, и синева посередине и синева сверху; *Земля Потерянных и убежище Супермена на Северном полюсе*, магические кристаллы – все это и есть Сан-Франциско... А ночью этот долбаный город превращается в тысячу взлетных полос: мигает Алякатрас, галогеновая дорожка опор и перил Бэй-Бридж, гроздь огней, то разгорающихся, то тускнеющих, цепочка гирлянд, тянущаяся медленно и упорно; разумеется, дирижабли – сколько их было этим летом! – и звезды, не много их видно из-за города и всего такого, но сколько-то есть – может, сотня – этого достаточно; сколько их, в конце концов, нужно? Из наших окон, с нашей террасы открывается крышесносный вид, так что нет необходимости ни думать, ни шевелиться – тут все, все можно увидеть, не поворачивая головы. Утренние часы что черно-белые кадры, и мы завтракаем на террасе, потом обедаем там же и там же ужинаем, мы там читаем, играем в карты, и всё всегда перед нами, эта огромная почтовая открытка, все тут, все эти фигурки людей. Слишком много всего, чтобы казаться подлинным, все утрачивает свою подлинность (или наоборот, все еще более подлинно? Ага.), мы должны помнить об этом, конечно, конечно. Позади нашего дома, не особенно далеко, расположен Тилден-парк – россыпь бесчисленных озер, и деревьев, и холмов, мохеровых холмов, покрытых пятнами зелени, – мохеровый холм, мохеровый холм, мохеровый холм, и нет им конца, а после – темно-зеленые проплешины и снова мохеровые холмы, похожие на спящих львов, тянутся дальше и дальше... Особенно когда едешь на велосипеде, стартуя с Точки Вдохновения⁴², жмешь на педали, едешь против ветра и туда, и обратно, холмы тянутся на много миль вперед, до самого Ричмонда с его фабриками, электростанциями и огромными цистернами, хранящими смертоносные и живо-

⁴¹ Бэй-Бридж – висячий мост через залив Сан-Франциско в штате Калифорния между городами Сан-Франциско и Оклендом. Ричмонд-Бридж – самый северный мост через залив Сан-Франциско, соединяет Ричмонд на востоке и Сан-Рафаэль на западе. Мост Золотые Ворота – висячий мост через пролив Золотые Ворота, соединяет город Сан-Франциско и южную часть округа Марин.

⁴² Точка Вдохновения – остановка для отдыха велосипедистов, с которой открывается вид на Залив.

творящие вещества; велосипедная дорожка тянется туда, и слева вдаль виден Залив, а справа все тянутся и тянутся холмы, пока наконец в двадцати милях на востоке, ну или на северо-востоке, не вырастает гора Дьябло – королева мохеровых холмов. Параллельно и перпендикулярно тропинкам располагаются огороженные жердями и проволокой загоны, где пасутся коровы и иногда овцы, и все это в минутах ходьбы от нас, от нашего дома, прямо за которым проходит туристическая тропа, почти упирающаяся в огромную скалу Гротто-Рок, которая торчит в двадцати футах от нашей задней террасы; и случаются дни, когда мы с Тофом завтракаем на крыльце, и солнце безумно радо нашему присутствию, и словно из ниоткуда возникают туристы, с улыбками и слезами гордости на лицах, мужчины и женщины, всегда попарно, в шортах цвета хаки, коричневых кроссовках и кепках козырьком назад, возникают у подножия скалы, потом оказываются на вершине, большие пальцы просунуты под лямки рюкзаков, они вырастают перед нами, а мы завтракаем на своей террасе из красного дерева в двадцати футах от них.

– Привет! – говорим мы с Тофом, слегка взмахивая руками.

– Привет, – откликаются они, удивившись, увидев нас, завтракающих, недалеко от них.

Это приятное мгновение. Но потом становится неловко, потому что вот они, на вершине, в конце своего маршрута, и им хочется только одного – присесть ненадолго, полюбоваться открывающимися видами, но они не могут не замечать двух людей, неотразимо привлекательных людей – Тофа и меня, – сидящих в каких-то двадцати футах от них и поедающих хлопья с яблоком и корицей прямо из коробки.

Мы проезжаем через городки Хаф-Мун-бэй, Пасифика и Сисайд, слева кондоминиумы, справа серфингисты, океан взрывается розовым. Мы проезжаем мимо ликующих эвкалиптов и раскачивающихся сосен, солнце отражается от встречных машин, и кажется, что они едут прямо на нас, и я вглядываюсь через лобовые стекла в лица водителей, в поисках какого-нибудь знака, понимания, доверия и улавливаю это доверие, и они проезжают мимо. Наша машина страшно дребезжит, я включаю радио, потому что могу. Я барабаню ладонями по рулю, потому что могу. Тоф смотрит на меня. Я киваю со значительным видом. В этом мире, в нашем новом мире, будет рок. Мы отдадим дань уважения таким группам, как Journey, особенно если время для «Двух по вторникам»⁴³, а значит, одной из песен точно будет:

Просто девчонка из маленького городка...

Бывают моменты, когда меня беспокоит выражение лица Тофа, когда я пою по-настоящему, с вибрато и всем таким прочим, пропеваю гитарные партии, – у него такое выражение, которое малознакомые люди могут принять за откровенный страх или отвращение, но я-то знаю, что это благоговение. Я понимаю такое благоговение. Я заслуживаю его благоговения. Я выдающийся певец.

Мы подыскали для Тофа школу, симпатичную маленькую частную школу под названием «Блэк-Пайн-Серкл», и ему назначили практически полную стипендию, хотя мы, в общем, без труда могли бы оплатить его обучение. У нас есть кое-какие деньги – от продажи дома и отцовская страховка, которую он оформил незадолго до смерти. Так что все было в порядке. Но поскольку мир нам задолжал, мы не отказываемся от халявы. Это в основном заслуга Бет, ей должны столько же, а может, и больше, чем нам с Тофом, и ей замечательно удастся извлекать деньги из нашей ситуации. Так, ей не пришлось платить за обучение в юридическом колледже благодаря (юридическому) статусу матери-одиночки. Даже если бы и пришлось платить, Бет все равно была бы – и есть – без ума от счастья по поводу возвращения к учебе уже осенью. Через несколько месяцев она снова ускользнет в этот мир и позволит ему овладеть собой, стереть все, что было в прошлом году. У нее голова идет кругом, мы наслаждаемся летом, потому

---

⁴³ Две песни проигрывались подряд без паузы или рекламы.

что нам все должны. Я ничем особым не занимаюсь. Мы с Тофом играем во фрисби и ходим на пляж. Я записался на занятия по росписи мебели и отношусь к ним очень серьезно. Я провожу немало времени во дворе, перекрашивая мебель, – применяя навыки, полученные за двенадцать лет художественного образования, я раздумываю о том, чем буду заниматься в более глобальном плане, что именно я буду делать с точки зрения будущего. Мне кажется, моя мебель хороша – я покупаю ее в комиссионных магазинах, это главным образом журнальные столики, которые я шлифую, а потом расписываю лицами толстяков, потерянными носками и голубыми козлами. Меня не оставляет мысль, что мне удастся их продать, я найду бутик где-нибудь в городе и буду продавать их, скажем, по тысяче долларов за штуку, и покуда я тружусь над очередным столом, погрузившись в процесс, решая уникальные проблемы нового шедевра, – *не слишком ли изображение отрезанной ноги банально и не слишком ли очевидно рассчитано на продажу?* – мне кажется, что дело мое благородно, исполнено смысла и, скорее всего, сделает меня знаменитым и богатым. К обеду я захожу в дом, снимаю плотные резиновые перчатки и на террасе, наблюдая как садится солнце, позволяю своему яркому сиянию угаснуть на вечер. Быть может, в какой-то момент мне придется устроиться на работу, но пока, по крайней мере этим летом, я даю нам время наслаждаться жизнью, наслаждаться отсутствием обязанностей, этим временем, данным нам, чтобы просто смотреть вокруг. Тоф отправляется в летний лагерь при Университете Беркли, которым руководят тамошние спортсмены, и его успехи во всем – от лакросса и американского футбола до бейсбола и фрисби – ясно свидетельствуют, что вскоре он сделается профессионалом минимум в трех видах спорта и женится на актрисе. Мы ждем стипендий и даров, которые преподнесет нам смущенный и опечаленный мир. Мы с Бет по очереди возим Тофа туда-сюда, вниз с холма, а потом снова вверх, – а во всем остальном же теряем неделю за неделей, как пуговицы, как карандаши.

Машины мелькают на поворотах шоссе № 1, вылетают из-за утесов, стекла и свет фар. Любая из них может убить нас. Все могут нас убить. В голову приходят разные варианты – например, нас могли бы сбросить с обрыва прямо в океан. Только хер вам, с нашей ловкостью, нашим проворством и самообладанием мы с Тофом справимся со всем. Да, да. Если мы столкнемся на шоссе № 1 с какой-нибудь машиной на скорости 60 миль в час, успеем вовремя выпрыгнуть. Да, мы с Тофом на такое способны. Мы сообразительны – это известный факт, ага. Видите ли, какая штука, сразу после столкновения, пока наша красная «хонда сивик» кувыркается в воздухе, мы мгновенно вырабатываем план – хотя нет, план нам уже известен – план, конечно, простой, очевидный: пока машина летит вниз, мы одновременно, каждый со своей стороны, открываем двери, машина по-прежнему летит, затем выбираемся наружу, машина по-прежнему летит, мы по обе стороны, каждый со своей, дальше мы встаем на подножку буквально на мгновение, машина по-прежнему летит, мы держимся за открытые двери или за крышу, а потом, когда машина футах в тридцати над водой, понимающе глянем друг на друга – *ты знаешь, что надо делать – принято* (вслух не скажем, не будет нужды) – и оба, опять-таки одновременно, оттолкнемся от машины, чтобы оказаться на некотором расстоянии от нее, а потом, когда «хонда» обрушится в мутное стекло океана, мы тоже – в безукоризненной манере профессиональных ныряльщиков, меняя траекторию полета, вытянув руки, натянув носочки, – уйдем под воду, по дуге вынырнем на поверхность, навстречу солнцу, взмахнем головами, стряхивая воду с волос, и поплывем навстречу друг другу, а машина тем временем, пуская пузыри, будет быстро идти на дно.

Я: Ничего себе! Едва-едва!

ОН: И не говори.

Я: Голоден?

ОН: Ты читаешь мои мысли.

Тоф играет в Детской лиге за команду, которую тренируют двое чернокожих, и эти двое чернокожих стали Номером Один и Номером Два среди всех знакомых чернокожих Тофа. Игроки его команды (как и тренеры) носят красную форму и тренируются на поле в парке, окруженном со всех сторон соснами и расположенном в двух кварталах от нашего дома, немного выше по склону холма, вид оттуда открывается еще более захватывающий. На тренировке я ношу с собой книгу, полагая, что наблюдать за занятиями восьми – десятилетних детей должно быть скучно, но это совсем не так. Зрелище увлекательное. Я слежу за каждым движением: смотрю, как они подходят к тренеру за указаниями, смотрю, как бросают мячи, смотрю, как пьют воду из фонтанчика. Нет, я смотрю не на всех, конечно, я смотрю на Тофа, слежу за его новой красной бейсболкой, которая ему велика, слежу, как он ждет своей очереди, как он ловит мяч, поворачивается и бросает его тренеру на вторую базу. Я смотрю только на него, даже пока он ждет выхода на поле; мне интересно, разговаривает ли он с другими ребятами, ладит ли с ними; я напряженно стараюсь понять, принимают ли его, и слежу... – время от времени я отвлекаюсь на одного из чернокожих детей, делающих на поле нечто потрясающее, – у них две явные звезды, мальчик и девочка, оба рослые, быстроногие, невероятно одаренные, играют гораздо лучше остальных, но ленивые и расслабленные, поскольку знают о своем таланте. Во время тренировок я жду, когда настанет очередь Тофа, когда придет его черед принимать подачу или стоять на второй базе, практически умирая от волнения.

Мог же его поймать!

Отлично-отлично-отлично!

Ну же, давай!

Я не говорю ни слова, и это все, что я могу сделать, чтобы не поднимать шума. Ловит он хорошо, вообще поймать может все что угодно – мы работаем над этим с тех пор, как ему исполнилось четыре, но вот с подачами... ну почему этот парень не умеет подавать? *Может, бита нужна полегче?* Заглохни! *Замах!* Замах! О господи, да такой подачей только мясо отбивать для готовки. Бей по мячу! *Бей по этому кокосу, парень!*

Сам я никогда не был хорошим бейсболистом, но и в старших классах школы, и в колледже неизменно делал вид, что знаний моих хватит для того, чтобы получить на лето работу тренера по тиболу⁴⁴ или начальника спортивного лагеря. Когда Тоф подрос, он ходил бы со мной на тренировки, каждый день таскался бы за мной, с трудом скрывая счастье быть младшим братом начальника лагеря.

Я наблюдаю, и матери наблюдают. Я не знаю, как с ними общаться. *Я один из них?* Время от времени они стараются вовлечь меня в беседу, но тоже не знают, как вести себя со мной. Я смотрю в их сторону и улыбаюсь, когда кто-то из них шутит, и все остальные смеются. Они смеются – я слегка хмыкаю, не хочу показаться чересчур навязчивым, просто как бы говорю: «Я вас слышу, я смеюсь вместе с вами, я разделяю ваше настроение». Но когда смех утихает, я по-прежнему остаюсь в стороне, я – это нечто иное, а что именно, никто не знает. Они не хотят тратить время на старшего брата, которого послали за Тофом, пока их мать готовит ужин, или задерживается на работе, или застряла в пробке. Я для них – нечто временное. Может, вообще кузен. Может, молодой приятель разведенки? В принципе, им все равно.

Ну и хрен с ним. Дружить с этими мамами я и не собираюсь. Да и с чего бы? Я не один из них. Они – старье, а мы – новые модели.

Я смотрю, как Тоф общается со сверстниками, перевожу взгляд с одного на другого, прикидываю, подозреваю.

С чего это они смеются?

Над чем смеются? Над бейсболкой Тофа? Ведь она велика, так?

⁴⁴ Тибол – командный вид спорта, основанный на крикете, бейсболе и софтболе по упрощенным правилам, предназначен для детей в возрасте от 4 до 6 лет, чтобы они могли развить навыки игры в мяч.

Да кто они такие, эти маленькие засранцы? Я им уши поотрываю.

А, вот в чем было дело. Всего-то. Ха-ха. Ха-ха

После тренировки мы идем домой, вниз по улице Марин-роуд – чудовищный спуск под углом не меньше сорока пяти градусов. Идти по ней и не выглядеть при этом глупо практически невозможно, но Тоф придумал походку, решающую этот вопрос: шагает так размеренно, вразвалочку, на причудливо согнутых ногах, загребая впереди себя руками и отбрасывая назад воздух, – выглядит все это в итоге не так смешно, как обычное неуклюжее шлепанье ногами и размахивание руками. То еще зрелище, эта походка.

Когда мы доходим до нашей улицы, Спрюз, и поверхность выравнивается, я спрашиваю его, как можно мягче, насчет его подач, вернее, их отсутствия.

– Слушай, почему ты так хреново бьешь?

– Не знаю.

– Может, биту нужно полегче?

– Думаешь?

– Да, пожалуй, стоит купить новую.

– Купим?

– Да, поищем новую, что-нибудь придумаем.

Тут я толкаю его в кусты.

Мы по-прежнему в пути. Мы едем на пляж. В машине, если по радио не играет какой-нибудь революционный рок-н-ролл, – революционный рок-н-ролл, написанный и исполненный гениями современной музыки, – мы играем в слова. Какой-то звуковой фон быть должен – музыка или слова. Только не молчать. Смысл игры в том, чтобы назвать бейсболистов, чье имя начинается с той же буквы, что и фамилия предыдущего.

– Джеки Робинсон, – говорю я.

– Рэнди Джонсон, – говорит он.

– Джонни Бенч, – говорю я.

– Кто?

– Джонни Бенч. Кэтчер из «Редз».

– Уверен?

– В смысле?

– Никогда не слышал о нем.

– О Джонни Бенче?

– Ага.

– И что?

– А то, что ты, может, сам его придумал.

Тоф собирает бейсбольные карточки. Он может назвать текущую стоимость любой своей карточки – а их у него тысячи, если добавить к его коллекции те, что достались в наследство от Билла. И тем не менее он ничего ни о чем не знает. Я остаюсь спокоен, хотя Тоф и заслуживает хорошего удара головой о стекло. Слышали бы вы, какой звук при этом получается. Очень необычный, даже он сам это признает.

Джонни Бенч? Джонни, блядь, Бенч?

– Не сомневайся, – говорю я. – Джонни Бенч.

Мы тормозим у пляжа. Я останавливаюсь здесь, потому что слышал о существовании пляжей вроде этого и еще потому, и как раз здесь, в нескольких милях от Монтары, сразу за широким изгибом шоссе, есть как раз такой пляж с табличкой: «Для нудистов». Мне вдруг становится очень любопытно. Я съезжаю на обочину, выскакиваю из машины...

– Приехали? – спрашивает он.

– Возможно, – говорю я растерянно, голова кружится...

И, не дожидаясь Тофа, обгоняя собственные сомнения, едва ли не бегом направляюсь ко входу. *Это нормально? Я думаю, да. Нет, ненормально. Я знаю, что делать, я знаю, что будет правильно. Так? Так. Прекрасно. Нудистский пляж? Прекрасно. Нудистский пляж. Нудистский пляж.* Мы идем ко входу. Бородатый мужик, сидящий на стуле с серой металлической коробкой на коленях, требует за вход по десять долларов с каждого.

– За него тоже десятка? – спрашиваю я, указывая на стоящего рядом со мной восьмилетнего мальчика в футболке с эмблемой Университета Калифорнии и в бейсболке козырьком назад, тоже с эмблемой Университета.

– Да, – говорит бородач.

Я смотрю через голову бородача в сторону утеса, пытаюсь разглядеть пляж у его подножия и понять, стоит ли оно того. *Двадцать долларов! За десятку там должны быть какие-нибудь очень впечатляющие обнаженные женщины, а не просто натурщицы из класса живописи. Это нормально. Это познавательно. Это естественно. Мы в Калифорнии! Все в новинку! Никаких правил! Будущее!*

Я почти решился. Подхожу вплотную к бородачу и так, чтобы Тоф не слышал, пытаюсь выяснить, что да как.

– Так что, детям тоже можно?

– Конечно.

– Но ведь это как-то... *странно.*

– *Странно?* Что тут странного?

– Так ведь ребенок, понимаете ли. Не слишком ли это?

– Слишком что? Слишком много *человеческого тела*? – он говорит таким тоном, словно это я тут извращенец, он – Мистер Естественность, а я какой-то одежный фашист.

– Ладно, проехали, – говорю я. Идиотский пляж. Скорее всего, просто кучка голых бородачат парней, костлявых и бледнокожих.

Мы возвращаемся на шоссе, забираемся в красную «хонду» и продолжаем путь. Мимо серфингистов, через эвкалиптовую рощу перед Хаф-Мун-бэй, вокруг порхают птицы, кружатся над нами – они тут тоже для нас! – потом мимо скал перед въездом в Сисайд, далее дорога становится немного более пологой, затем еще несколько поворотов и – вы видели это гребаное небо? В смысле вы, бля, вообще *были* когда-нибудь в Калифорнии?

Из Чикаго мы уезжали впопыхах. Распродали большую часть вещей – все то, что не хотели брать с собой, – воспользовавшись услугами деловитой женщины, которая пришла, все оценила и связалась с нужными людьми, – явно у нее имелся список энтузиастов, всегда готовых скупить имущество недавно умерших, кому она и сообщила, что по адресу Вейвлэнд, 924, распродажа; мы в это вообще не вмешивались. Разошлось почти всё, мы оставили только кое-что из игрушек Тофа, несколько кофейных кружек и разрозненное столовое серебро. Все это, а также то, что не удалось продать, мы упаковали – получилось, кстати, много, коробок шестьдесят, – погрузили в фургон и сейчас храним в гараже дома на Спрюз-стрит. Билл продал мамину машину, а Бет продала машину отца и купила джип, а я расплатился с банком за «хонду», которую мы совсем недавно купили на пару с отцом, чтобы мне было на чем добираться до дома на выходные.

В Беркли мы живем с Бет, ее лучшей подругой Кэти – она тоже сирота, ее родители умерли, когда ей было двенадцать, – и моей девушкой Кирстен, которая всегда хотела жить в Калифорнии, вот и переехала с нами. На нас пятерых в живых остался только один родитель – мать Кирстен, так что поначалу мы гордились своей независимостью; мы, сироты, начнем домашнюю жизнь с нуля, ни на что не опираясь. Это казалось отличной идеей, что мы будем жить под одной крышей, – как в колледже! как в коммуне! – кто-то присматривает за ребенком, кто-то занимается уборкой, кто-то готовит! Совместные обеды, вечеринки, веселье! Но от

силы через три-четыре дня стало ясно – и причины тоже ясны, – что идея была не очень. Каждый из нас напряжен из-за необходимости приспосабливаться к новому месту, новой школе, новой работе, и каждый из нас начал раздражаться, жаловаться и спорить: где чьи газеты; пора бы уже знать, что не стоит покупать гранулированное средство для посудомоечной машины, неужели это и так непонятно, боже ж ты мой. Кирстен, которая еще не расплатилась за учебу, а накоплений у нее почти нет, изо всех сил старается найти работу, но у нее нет машины. И она не разрешает мне платить ее долю аренды.

– Я сама заплатить могу, не беспокойся.

– Не позволю тебе платить.

– Рыцарь снова на коне!

И хотя я могу заплатить, она все усложняет, даже летом. Так что утром я везу ее до метро по дороге в спортивный лагерь Тофа, и мы с Кирстен переругиваемся, только и ищем повода накинуться друг на друга, взорваться, и так до бесконечности, мы даже не представляем себе, будем ли еще жить вместе этой осенью, найдем ли себе к осени работу, будем ли влюблены друг в друга этой осенью. Дом только усиливает наши проблемы, образуются альянсы – Тоф и я, Кэти и Бет, Бет с Кирстен и Кэти – и, как следствие, постоянные стычки, от которых этот дом, со всеми его прекрасными видами, становится тесным; и атмосфера веселья пропадает, хотя мы с Тофом отчаянно пытаемся ее создать.

Например, мы обнаружили, что поскольку полы в доме деревянные, а мебели немного, есть как минимум два идеальных места, где можно разбежаться и скользить. Лучшее – в проходе от задней террасы к лестнице, даже при небольшом разбеге там можно проехать футов тридцать, как раз до лестницы, ведущей на нижний этаж, а ее первую половину можно преодолеть одним прыжком, если, конечно, не пугает сделать в финале кувырок и вскинуть руки, как Мэри Лу Рэттон⁴⁵. Ура! Америка!

---

⁴⁵ Мэри Лу Рэттон (р. 1968) – первая американская гимнастка, получившая золото на Олимпийских играх (Лос-Анджелес, 1984 г.).

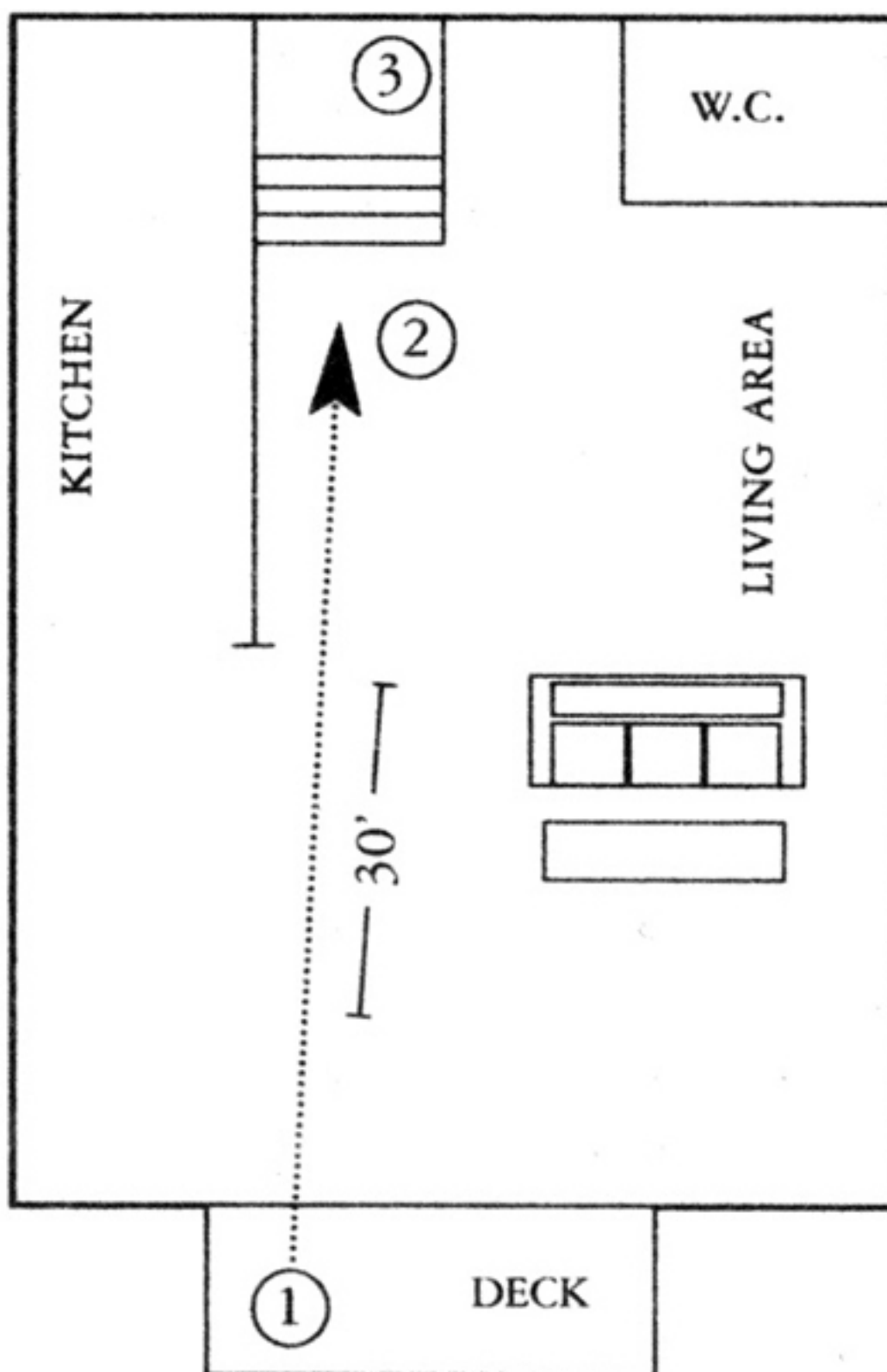

Рис. 1

Наш трюк – на радость соседям и прохожим – изображать, как я порю Тофа ремнем. Вот как это выглядит: открыв заднюю дверь на террасу, мы идем в гостиную, я держу в руках сложенный пополам ремень и резко дёргаю его, так что получается звук, словно я со всей силы бью Тофа по ногам. Он визжит, как поросенок.

Ремень: Щелк!

Тоф: (*Визжит*).

Я: Ну как тебе это, нравится?

Тоф: Прости, прости! Я больше не буду!

Я: Да ну? Да ты ходить больше не сможешь!

Ремень: Щелк!

(*Визз*) и т. д.

Это очень весело. Мы, Тоф и я, атакуем Калифорнию, живем по полной, пока не наступила осень и нас не заперли в четырех стенах, пока Бет и Кэти занимаются своими делами, а Кирстен ходит по собеседованиям. Мы с Тофом отправляемся на Телеграф⁴⁶ поглазеть на всяких чудиков. Мы бродим по университетскому городку в поисках Голого Парня, хиппи, кришнаитов и евреев за Иисуса⁴⁷, разгуливающих топлес женщин, которые шокируют гуляющих, выставляются перед телевизионными камерами и дразнят копов, выписывающих им незаслуженные штрафы. Ни одной обнаженной груди мы не увидели, Голого Парня так и не отыскали, но однажды наткнулись на Голого Старика с седой бородой: он непринужденно болтал с кем-то по телефону, стоя в телефонной будке в одних лишь шлепанцах. Мы обедаем в кафе, потом, бывает, спускаемся на пристань Беркли и там, в парке, у самого конца мола, среди зелени и невысоких холмов, достаем из машины (они всегда там лежат) бейсбольные биты и перчатки, мяч и фрисби, кидаем их друг другу, валяем дурака. Делаем всякие мелкие дела: зайти за продуктами, сходить постричься (стригут фигово), а потом время медленных тихих вечеров – телевизора в доме нет; затем мы читаем и болтаем, лежа в его маленькой кровати: «Странно, но я уже почти не помню их», – сказал он однажды, и его слова были обжигающими и беспощадными, потом пришлось час сидеть и вспоминать разные случаи: «Это помнишь? Помнишь? Ну вот, конечно, ты их помнишь», – а потом мы с Кирстен спим в комнате, откуда тот же вид, что из гостиной и с террасы наверху, Бет спит в соседней комнате, а Тоф – засыпает он просто отлично, две-три минуты и отключился – в самодельном домике из занавески и дивана, который мы устроили для него в коридоре между нашими спальнями.

Мы приезжаем в Монтару, на пляж, паркуемся рядом с фургоном, за которым какой-то блондин снимает гидрокостюм. Мы берем свои вещи и идем вниз, с вершины утеса к подножию, по неровным ступеням, Тихий океан радостно приветствует нас.

Взгляните на нас: лежим рядышком, он в рубашке, потому что стесняется. Разговариваем.

– Тебе скучно?

– Ага, – говорит он.

– Почему?

– Потому что ты просто лежишь.

– Я устал.

– А мне скучно.

– Почему бы тебе не спуститься к берегу и не построить замок из песка?

– Где?

– На берегу, у воды.

– Зачем?

– Потому что это весело.

– Сколько я за это получу?

– В смысле – сколько получишь?

---

⁴⁶ Телеграф – район четырех кварталов вокруг Телеграф-авеню, центр университетского городка и общественной жизни, на этом участке Телеграф-авеню множество ресторанов, книжных магазинов и магазинов одежды, а также уличных торговцев. В этом районе собираются студенты, туристы, художники, уличные фрики и бездомные.

⁴⁷ «Евреи за Иисуса» – христианская миссия евреев-христиан, основанная в Сан-Франциско.

– Мама, бывало, платила мне.

– За замок из песка?

– Да.

Я задумываюсь. Соображаю медленно.

– А зачем?

– Затем.

– Зачем затем?

– Не знаю.

– И сколько она давала?

– Доллар.

– Бред какой-то.

– Почему бред?

– Платить за то, что ты играешь в песке? Забудь. Так ты не будешь играть, если я тебе не заплачу?

– Не знаю. Может буду.

Купаться нельзя: океан слишком холодный, обрыв слишком крутой, течение слишком сильное. Мы сидим и смотрим, как вода и пена заполняют устроенные нами рвы и тоннели. Из Тофа пловец неважный, а волны с силой врезаются в берег, и мне вдруг является картина – я вижу, как Тоф, другой Тоф, тонет в двадцати футах от меня. Вот он вынырнул, но его снова затянуло вглубь, налетела волна и проглотила его – это долбаное подводное течение. Я вскакиваю, бегу, прыгаю в воду и плыву с невероятной скоростью – я ведь был в команде пловцов, умею плавать и нырять, быстро и глубоко – но слишком поздно; я ныряю снова и снова, но там все серое, сплошной песок, все кружится, вода мутная, да, слишком поздно – его отнесло на несколько сот футов... вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, я вижу его ручку, загорелую и тонкую, последний взмах и... все! В общем, не стоит нам здесь купаться...

– Эй.

Купаться можно и в бассейне...

– Эй.

– Что, что?

– Что с твоими сосками? – спрашивает он.

– Ты о чем?

– Ну, они вроде как торчат.

Я смотрю ему прямо в глаза.

– Тоф, мне надо тебе кое-что рассказать. Кое-что о своих сосках и вообще сосках мужчин в нашей семье. Потому что когда-нибудь, сынок, [я иногда так обращаюсь к нему, а он называет меня «папой», когда у нас случаются забавные беседы в стиле «отец – сын», мы делаем это в шутку, но в глубине души нас эти термины задевают], когда-нибудь мои соски станут твоими сосками. Когда-нибудь у тебя тоже будут неестественно торчащие соски, они будут затвердевать по малейшему поводу, и тебе придется носить плотные хлопковые футболки.

– Ни за что.

– Так оно и будет, Тоф, – говорю я, задумчиво глядя на океан и провидя будущее. – Ты унаследуешь эти соски, ты унаследуешь эту тощую, с выпирающими ребрами фигуру и не наберешь нормальный вес, пока тебе не стукнет двадцать, а половое созревание начнется немыслимо поздно, и скоро эти красивые прямые волосы, которые тебе нравятся и которые выросли такими длинными и делают тебя похожим на молодого Ривера Феникса⁴⁸, эти волосы станут густыми и жесткими, потемнеют и так спутаются, что, проснувшись утром, ты будешь

---

⁴⁸ Ривер Феникс (1970–1993) – американский актер, музыкант и общественный активист.

походить на человека, которому три раза сделали завивку, а потом шесть часов везли в кабриолете. Ты постепенно превратишься в урод с кожей, сплошь покрытой прыщами; щеки и подбородок – все будут в прыщах, в огромных красных шариках, которые твой дерматолог назовет «кистами», – раз в две недели их россыпи будут появляться вокруг ноздрей, и они будут такие большие и такие красные, что прохожие с двадцати ярдов будут отшатываться в ужасе, а дети указывать на тебя пальцем и плакать.

– Нет.

– Да.

– Ни за что. Спорим, таким я не буду.

– Молись, чтоб не быть.

Ветрено, но когда лежишь, слушая, как шуршит песок, то чувствуешь тепло, тепло, тепло. Рядом сидит Тоф, закапывает мои ноги.

Впереди так много дел. Обо всем, что предстоит сделать, когда начнется школа, я стараюсь не думать, но одна мысль – что Тофа надо показать врачу, что ему нужно пройти осмотр, – врывается в мое сознание, и голова, бля, тут же наполняется мыслями... Надо составить резюме, надо найти новое жилье, срок аренды заканчивается, и как я буду водить Тофа в школу, если работа будет начинаться рано? Будет ли Бет исполнять свою долю обязанностей, будет ли она слишком занята, не убьем ли мы друг друга? Как часто будет приезжать из Лос-Анджелеса Билл? Как сильно я могу – могу ли – нагружать делами Кирстен? Да и будет ли она вообще рядом? Успокоится ли она, когда найдет работу и купит машину? Стоит ли мне осветлить волосы? Насколько действенна эта отбеливающая зубная паста? Тофу нужна медицинская страховка. Мне нужна медицинская страховка. Может, я уже болен. Оно уже растет внутри меня. Что-то, нечто. Солитер. СПИД. Мне нужно начинать, начинать поскорее, потому что я умру, до тридцати мне не дожить. Моя смерть будет внезапной, даже еще более внезапной, чем у них. Я упаду, упаду, как она упала, и буду лежать, как она, когда я нашел ее. Мне было шесть, дело происходило в полночь, я нашел ее, когда она споткнулась, скатилась с лестницы и ударилась головой о черный кафельный пол. Я услышал, как она стонет, пошел по коридору, под ногами зеленый ковер, с верхней площадки лестницы увидел внизу фигуру в ночной рубашке, скорчившуюся на полу. Я, босой и в пижаме, медленно пошел вниз по лестнице, держась за перила, не имея представления, кто бы это мог быть, почти догадываясь и вместе с тем совсем не догадываясь, и подойдя вплотную, услышал голос, ее голос: «Мне хотелось посмотреть на цветок». «Мне хотелось посмотреть на цветок, – повторила она три или четыре раза. – Мне хотелось посмотреть на цветок». Потом я заметил кровь, черную на черном кафеле, волосы слиплись от крови, стали красными, бурными, блестящими. Я разбудил отца, затем приехала скорая. Домой она вернулась с повязкой на голове, и несколько недель я не был уверен, что она – это действительно она. Я хотел, чтобы это была она, верил, что это она, но существовала вероятность, что она умерла, а это кто-то другой. Я во все готов был поверить.

Слишком холодно, чтобы лежать с голой грудью. Я поднимаюсь, и Тоф поднимается и бежит, я кидаю вперед него фрисби в расчете, что тарелка опередит его ярдов на двадцать, но, поскольку бросок был слишком хорош, она взмывает в воздух, летит медленно, и он догоняет ее с изрядным запасом времени, останавливается, разворачивается и ловит коленями.

А мы хороши. Ему только восемь, но вместе великолепны. Мы играем на берегу, бегаем босиком, загребая и шлепая по холодному белому песку. Перед каждым броском мы делаем четыре шага и когда бросаем, мир останавливается, не дыша. Броски у нас такие дальние, и такие точные, и такие нелепо красивые. Мы – само совершенство, гармония, юность, гибкость; мы быстроноги, как индейцы. На бегу я чувствую, как сокращаются мускулы, напрягаются хрящи, вздымается и опадает грудь, течет кровь – все работает, все функционирует безупречно; тело в своей наилучшей форме, разве что немного не хватает веса и видно несколько ребер,

что, если подумать, может показаться Тофу странным, анемичным, может напугать его, может напомнить о том, как терял вес отец, как его ноги, когда той осенью он сидел в костюме за завтраком, когда отказался от химиотерапии, но все еще ходил на работу, как его ноги под фланелевыми брюками начали походить на дюбели, да, под этими серыми фланелевыми брюками, теперь висящими мешком. Надо подкачаться. Можно пойти в тренажерный зал. Или достать тренажер, по крайней мере несколько гирь и гантелей. Я должен продемонстрировать Тофу тело, исполненное мужественности, безупречное. Я должен быть воплощением здоровья и силы, внушать доверие, гнать сомнения. Я должен быть несокрушим – машиной, совершенной гребаной машиной. Буду ходить в зал. Начну бегать.

Мы бросаем фрисби так далеко, как никто другой. Сначала тарелка взлетает выше, чем у кого-либо раньше, и застывает так, что в голубизне неба остаются лишь полированная фара солнца да крошечный белый диск, а потом она устремляется дальше – туда, куда прежде никто не добрасывал, – в нашем распоряжении мили и мили пляжа, от одного утеса до другого, и вокруг тысячи людей, которые могут ее поймать. Траектория полета – вот что важно; нам известно, что дальность зависит как от скорости, так и от угла броска, – хоть из кожи вон вылези, но брось тарелку по правильной траектории, ровно и прямо, вверх, но не слишком высоко и не слишком низко, потому что, если запустить под правильным углом, ее инерция вдвое увеличит полет, вторая половина – спуск. Так что вам надо обеспечить только половину ее полета, инерция же обеспечит вторую половину. Когда скорость все уменьшается и в конце концов иссякает, то тарелка опускается, словно на парашюте, и тут надо сделать рывок, пробежать под ней; ноги оставляют глубокие следы на мокром песке, и тарелка падает нам в руки, потому что мы уже на месте.

Мы выглядим профессионалами, как если бы уже долгие годы играли вместе. Грудастые женщины останавливаются и смотрят на нас. Пожилые граждане сидят и в изумлении покачивают головами. Верующие опускаются на колени. Никто не видел раньше ничего подобного.

III.

Список врагов растет быстро, неудержимо. В нем люди, которые стоят у нас на пути, не воспринимают нас всерьез, не зная или не желая знать, кто мы такие, что с нами случилось. Хитрожопый малый, что продал Тофу дешевый замок для велосипеда – нового велосипеда, который мы подарили ему на день рождения, перед отъездом из Чикаго; я хотел разобраться с этим типом – он уверял, что это лучший из всех замков, какие имеются у них в магазине, «надежнее не бывает, не парься» – а через неделю велосипед украли. Идиот-водитель фургона, въехавший сзади в нашу маленькую «хонду» прямо на светофоре в центре Беркли, и я тут же представил, что будет дальше: этот монстр продолжает двигаться вперед, сминает багажник, раздавливает Тофа, я ничего не могу поделать, только смотрю... И еще что-то надо делать с (или против) костлявой злой теткой в метро – волосы у нее были так туго стянуты на затылке, что голова похожа на луковицу, разрезанную пополам, – она сидела напротив и упорно смотрела на нас поверх книги, смотрела неодобрительно, главным образом на мои ноги, которые я положил на колени Тофа, – словно бы я педофил... А секретарша в школе, что с укором смотрела на меня, когда Тоф опаздывал к началу занятий... И еще одна тетка – наша соседка с противоположной стороны улицы, неопрятная женщина с пухлым сыном, отрывающаяся от работы в саду и глазеющая на нас всякий раз, как мы выходим из дома. И владельцы арендуемого нами дома на склоне холма в Беркли, не возвращающие нам залог, потому что, по их мнению, мы перепортили буквально все в доме. А более всего – все эти люди, связанные с недвижимостью. Жестокие, мерзкие недочеловеки. Засранцы, каких свет не видел.

– Где вы работаете?

– Я еще не нашел работу.

– Вы учитесь?

– Нет.

– А это ваш... сын?

– Брат.

– Ага. Ясно. Мы дадим вам знать.

Мы не знали, где найти пристанище. У новой школы Тофа не было своих автобусов, так что с самого начала стало ясно что, где бы мы ни поселились, мне придется самому отвозить и забирать его. В конце июля, когда встал вопрос о жилье на осень, мы раскинули сеть предельно широко, рассматривая, по крайней мере вначале, едва ли не каждый район в Беркли, Олбэни и Окленде. Подсчитав свои возможности: мой доход – полагая, что когда-то он станет реальностью, – и социальную страховку Тофа – ему полагается ежемесячная сумма, примерно равная той, что тратили бы на него родители, – мы поняли, по карману нам примерно 1000 долларов в месяц, и начали поиски.

Мы были поражены мрачной реальностью нашей новой жизни. Не будет больше ни холмов, ни видов – тот съемный дом был странной случайностью. У нас не будет ни гаража, ни стиральной машины, ни сушилки, ни посудомоечной машины, ни измельчителя отходов, ни шкафов, ни ванной. В некоторых домах, что нам показывали, не было даже дверей в спальнях. Я чувствовал себя ужасно, чувствовал личную ответственность; я начал смотреть дома без Тофа, чтобы избавить его от мучений. Мы чувствовали упадок. В Чикаго у нас был дом – просторный дом с четырьмя спальнями и двором – за домом ручей, огромные столетние деревья, невысокий холм, рощи. Потом появилось съемное жилье – золотой дом на холмах, весь из стекла и света, с видом на всё – горы, океан, мосты. А теперь, отчасти из-за раскола в нашей коммуне, – Кэти не хочет жить вместе со всеми нами, Кирстен и мне надо немного пожить по отдельности, мы с Бет, как любые взрослые брат и сестра, имеющие за спиной какую-никакую историю совместной жизни, отдаем себе отчет в том, что если и впредь останемся под одной

крышей, кого-то из нас найдут в крови и с увечьями, – нам придется мириться с иными, куда более скромными условиями существования. Бет будет жить одна, Кирстен снимет комнату на пару с кем-то, кого нашла по газетному объявлению, мы с Тофом подыщем себе двухкомнатную квартиру недалеко, но не слишком близко, от кого-нибудь из них или от обеих.

Мне хотелось пожить в лофте. Много лет я представлял свое первое жилье после окончания колледжа – огромное пространство, высокие потолки, потрескавшаяся краска на стенах, кирпичная кладка, водопроводные трубы и батареи – большое открытое пространство, где бы я рисовал, расставлял огромные холсты, разбрасывал всякое барахло, может, повесил бы баскетбольное кольцо, залил льдом крохотную хоккейную площадку. Лофт должен быть у Залива, парка, станции метро, продуктового магазина и всего такого. Я позвонил по объявлениям в Окленде.

– И как сам район? – задавал я вопрос.

– Да, честно говоря, так себе. Но на нашем участке есть ворота.

– Ворота? А как насчет парка?

– Парка?

– Ну да, со мной восьмилетний мальчик. Так есть там какой-нибудь парк неподалеку?

– Ой, пожалуйста, ну, о чем вы вообще?

Даже когда мы смирились с перспективой одноэтажного дома с двумя спальнями на равнине, люди были к нам недобры и неприветливы. Я-то ожидал распростертых объятий, благодарности за то, что мы – трагические посланцы Господа Бога – спустились с небес, чтобы поселиться в этих жалких домишках. А нас встречают с чем-то очень похожим на равнодушие.

В самом начале поисков мы наткнулись на предложение – Северный Беркли, две спальни, двор – и позвонили; собеседник откликнулся с полным энтузиазмом, определенно без злобности в голосе. И вот теплым солнечным днем мы поехали к нему. Добравшись, вышли из своей маленькой красной машины, направились к входу; он ждал нас на крыльце, и вид у него был явно растерянный.

– Это и есть ваш брат?

– Да.

– Та-а-ак, – с трудом выговорил он, как если бы «а-а-а» было яйцом, которое он вытаскивал изо рта. – Понимаете ли, я думал, вы оба постарше. Вам сколько лет, ребята?

– Мне двадцать два. Ему девять.

– Но в своей заявке вы указали, что у него есть свой доход. Не понимаю, как это может быть.

Я объяснил ему, как работает система социального страхования. И про наследство рассказал. Я держался непринужденно, подчеркивая, что мы прекрасно понимаем некоторую необычность ситуации, но теперь, раз все уже прояснилось...

Он склонил голову набок, скрестил на груди руки. Мы все еще стояли на подъездной дорожке. В дом нас не пригласили.

– Слушайте, ребята, не хочу тратить ваше время. На самом деле я ищу супружескую пару, желательно пожилую.

Порыв ветра принес запах белых цветов, которые росли здесь повсюду, как их – рододендроны?

В электричке на матч «Окленд Атлетикс»⁴⁹, мы – Тоф и я – сидели рядом и читали, напротив нас – молодая женщина, латиноамериканка чуть старше меня, с дочерью чуть младше Тофа. Женщина невысокая, в белой рубашке, накручивает на палец волосы девочки, та пьет сок из пакетика. Они могли быть сестрами, с разницей в возрасте, большей, чем у меня с

---

⁴⁹ «Окленд Атлетикс» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной лиге бейсбола.

Тофом, – или... могла ли она быть ее матерью? Если ей двадцать пять, а девочке семь... Вполне возможно. Очень милые. Кольца у женщины не было. Интересно, подумал я, а что, если нам поселиться вместе? Она бы все поняла. Она уже знает, как это бывает. Мы могли бы вести хозяйство вместе. Это было бы здорово: разделим обязанности, дети всегда под присмотром. Тоф с девочкой подружатся, а со временем, может, и поженятся... Возможно, и мы с этой женщиной будем вместе. Но судя по виду, у нее есть мужчина. Или нет? Уверенный взгляд. Спокойствие. Не просто мужчина, но еще и хороший человек. Сильный к тому же. Зарабатывающий себе на жизнь тем, что таскает тяжести. Во всяком случае, мог бы этим заработать, если бы захотел. Она наматывает и наматывает колечки волос девочки себе на палец, плотнее и плотнее, и... Впрочем, необязательно впадать в романтику. Можно просто устроить благополучное хозяйство. Ее мужчина – допустим, его зовут Фил – все поймет и присоединится. Но жить с нами не будет. Это уж слишком. И на ночь оставаться не будет. Не хочу видеть его нижнее белье и его ни после ванны, ни после душа. А может, у нее никого и нет. Фил уехал. Фила призывали в армию. Фил – гражданин Перу, и его призывали в армию, нам его жаль, но такова жизнь, извини, Фил. Итак. Как мы обставим дом? Это проблема. Но я буду с ней соглашаться. Да, соглашаться. Заживем с помощью этой женщины спокойно и счастливо, они с Тофом улягутся на ковер и будут вместе читать какую-нибудь книгу – ради этого можно со всем соглашаться.

В середине августа, уже совершенно измучившись, я смотрел маленький глинобитный домик, расположенный в нескольких кварталах от новой квартиры Бет. Хозяйкой его была крупная чернокожая женщина средних лет, несколько напоминавшая ту женщину с Библией, что ухаживала за матерью в последние ее дни. Дом был совершенством. Вернее, он вовсе не был совершенным, но был гораздо менее несовершенным, чем все, что мы видели. Сын хозяйки – она была мать-одиночка – только что поступил в колледж, и она собиралась переехать в Нью-Мексико. Дом в целом подходил нам по размерам, уютный домик на улице, сплошь утопающей в густой зелени. Там были задний двор, крыльцо, сарай, даже веранда, посудомоечной машины не было, как и стиральной, но сейчас, за несколько недель до начала занятий в школе, это уже неважно... Когда она поинтересовалась нашими финансовыми возможностями, я выложил свой козырь.

– Меня беспокоит, что у вас нет работы, – сказала она.

– Слушайте, – выпалил я, – мы можем платить. Деньги у нас есть. Хотите, за год вперед заплатим.

Ее глаза расширились.

В общем, мы выписали чек. К тому моменту все соображения экономии отошли на второй план. Мы выросли в доме, где считали каждую копейку, попросить у отца пять долларов значило вызвать тяжелые вздохи и требование детального плана возврата. А с матерью еще хуже – в магазины Лейк-Фореста с их высокими ценами она даже не заглядывала, предпочитала ездить за десять, двадцать, тридцать миль в «Маршаллз» или «Ти Джей Макс» в поисках акций и скидок за опт. Раз в год мы залезали в «форд пинто» и ехали на западную окраину Чикаго в «Синофски», где за 4–5 долларов покупали дюжины слегка бракованных футболок для регби: дырки тут и там, лишние пуговицы, испорченные отбеливателем воротнички, розовое полиняло на белое. Мы росли с ощущением когнитивного диссонанса: знали, что живем в хорошем городе, – наши родственники с востока постоянно это подчеркивали, – но если так, то почему наша мать вечно жаловалась, что у нее не хватает денег даже на самое необходимое? «На что мне завтра молоко покупать?» – кричала она из кухни отцу. Наш отец, который годами сидел без работы, похоже, заботы жены не разделял; вид у него был, будто он уже все проблемы уладил. Ну, а мы жили в постоянном ожидании нищеты, готовы были к тому, что однажды,

посреди ночи, нас выгонят из дома и переселят в одну из квартир на шоссе, на окраине города, и мы станем одними из *тех детей*.

Ничего подобного, конечно, не произошло, и сейчас, хоть мы и не богаты и реальный доход мал, от чувства вины, связанного с тратой денег, мы с Бет избавились. Когда приходится выбирать между дороговизной и удобством, сомнений мы не испытываем. Если мать была готова проехать сорок миль ради того, чтобы купить помидоры за полцены, я готов заплатить хоть десять долларов, лишь бы не садиться в машину. Главным образом, это вопрос траты сил. Усталость опустошает мой бумажник, бумажник Бет еще больше, не говоря уж о счете и чековой книжке на имя Тофа. Мы с Бет решили, что больше не будем жертвовать собой, – по крайней мере, когда в этом нет необходимости и когда речь идет о деньгах, которые, по крайней мере на данный момент, у нас есть. Даже крупные траты – те, что требуют согласия Билла, – почти не встречают сопротивления.

Около месяца мы продержались без стиральной машины и сушилки. Каждые выходные мы с Тофом распахивали грязное белье по четырем мешкам для мусора, закидывали их на плечо – его мешки были меньше моих – и словно крестьяне тащились к дому за углом и вниз по улице. Поскольку невозможно было нести сразу два больших, набитых мешка, через полквартила Тоф один из них выронил. Дешевый полиэтилен порвался, шорты и футболки с эмблемой «Чикаго Буллз» рассыпались по тротуару, а Тоф побежал домой за новым мешком. Буквально через несколько секунд он вернулся с велосипедом...

– Ты что делаешь?

– погоди, дай мне попробовать...

...хотел привязать мешки с бельем к сиденью и раме. Конечно, ни черта из этого не получилось, и мы стояли на тротуаре, собирая шмотки, которые застряли в велосипедной цепи, оказались на соседнем участке, и в них уже поселились муравьи... Через двадцать минут мы все еще были в каких-то пятидесяти футах от нашего дома. Чувствуя усталость и раздражение, мы размышляли о стирке в раковине или под душем. На следующий день мы позвонили Биллу и, проигнорировав его мягкие возражения, в конце концов купили стиральную машину и сушилку.

Они были не новыми и обошлись в 400 долларов с доставкой, обе сильно шумели и не подходили друг другу – одна бежевая, другая белая, но, боже мой, какие же это прекрасные, прекрасные устройства!

Этот дом примерно в половину меньше прежнего, но в нем много света, и в нем есть пространство, в нем есть движение. Полы деревянные, и поскольку ближайшую ко входу комнату мы превратили в кухню, можно, если захочется, пробежать из одного конца дома в другой, не задев ни двери, ни стены. А уж если вы в носках, то гипотетически можно пробежать из глубины дома, через кухню в гостиную с паркетным полом, и, прыгнув, проскользнуть до входной двери, иногда даже сохранив полную скорость (см. рис. 2).

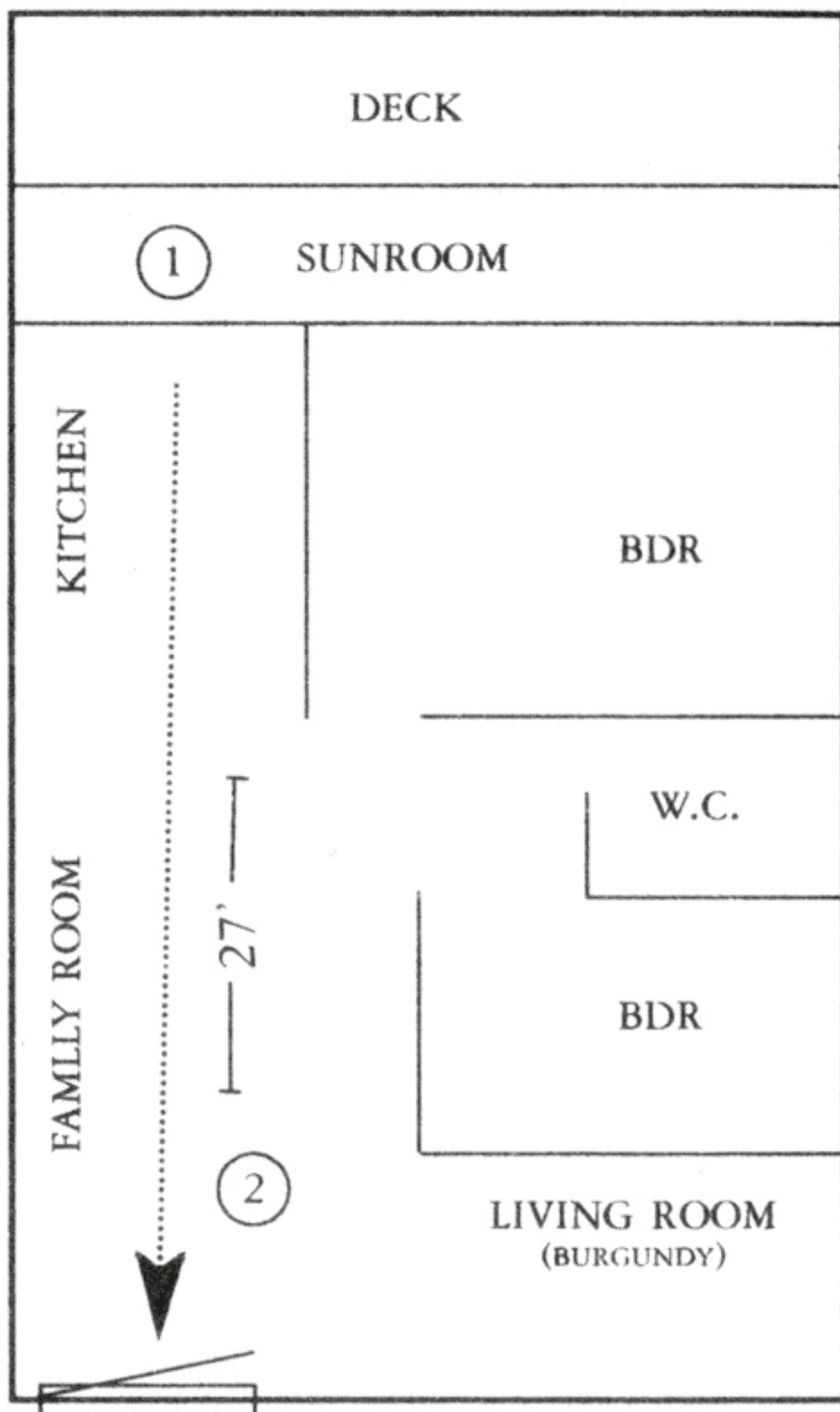

Рис. 2

Мы чувствуем себя временными жильцами, вроде как сторожами или отдыхающими, так что меньше всего стремимся общаться с местными. Наши ближайшие соседи – две лесбиянки, пожилая китайская пара, чернокожий мужчина и белая женщина лет сорока, а также Дэниэл и Буна – носят сандалии и украшения из бисера, неженатые – похоже, просто друзья, оба социальные работники. Еще в этом квартале проживают одинокие матери, разведенные, вдовы, вдовцы, незамужние женщины, живущие с неженатыми мужчинами, незамужние женщины, живущие с незамужними женщинами, а в нескольких кварталах отсюда – даже сам Барри Гиффорд⁵⁰. Только здесь мы можем слиться с окружением, сойти за своих.

Мы перекрасили весь дом. Вдвоем с Тофом справились с этой работой за неделю, вооружившись валиками, пропуская углы, – комнаты стали размытыми в духе Ротко⁵¹. Общую комнату мы красим в светло-голубой, гостиную – в винный. Моя комната – лососевая, кухня – желтоватая. Комната Тофа оставалась белой, пока однажды ночью – накануне его десятилетия и в разгар мучений от ночных кошмаров – я не нарисовал на стене Россомеху и Кейбла⁵², для украшения и защиты. Один летит сверху, второй склонился над кроватью. Он так и не проснулся, пока я рисовал, хотя краска капала на одеяло и голую левую ногу.

Теперь этот дом окончательно наш, но в нем царит ужасный бардак.

Мы решаем, что с этим делать.

– Ты отстой, – говорю я.

– Сам ты отстой, – говорит он.

– Нет, ты.

– Не-е-е, это ты отстой.

– Ты отстойнейший из всех отстоев.

– Что-что?

– Я говорю, ли...

– Глупость какая-то.

Мы сидим на диване и глядим по сторонам. Спорим о том, что кому убирать. А еще, чья это вообще была обязанность – не доводить до такого. Было время, напоминая я Тофу, когда карманные деньги он получал только при условии выполнения хотя бы минимума домашних обязанностей.

– Карманные деньги? – переспрашивает он. – Ты никогда не давал мне денег.

Я продумываю новую стратегию.

Кофейный столик – чистилище нашего дома, промежуточный пункт всего съеденного, изношенного или разбитого. Он завален бумагами и книгами, на нем лежат две пластиковые тарелки, полдюжины грязных вилок и ножей, открытая пачка сухого завтрака, одноразовый контейнер с жареной картошкой, которая накануне вечером показалась одному из нас «слишком рыхлой и жирной» и к которой так никто и не притронулся. А также пакет с крендельками, вскрытый единственным из жильцов дома, который не умеет открывать их нормально и продельывает посередине дырку при помощи ножа для мяса. По комнате раскиданы как минимум четыре баскетбольных мяча, восемь мячей для лакросса, скейтборд, два рюкзака и неразобранный до конца чемодан, который стоит нетронутым уже четыре месяца. На полу возле дивана

---

⁵⁰ Барри Гиффорд (р. 1946) – американский писатель, поэт и сценарист.

⁵¹ Марк Ротко (1903–1970) – американский художник-абстракционист, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

⁵² Супергерои-мутанты из комиксов про Людей Икс вселенной «Марвел».

валяются три стакана, некогда с молоком, а ныне с его отвердевшими останками. Общая комната с ее вечным беспорядком – проблема, которую мы стараемся решить.

Я только что огласил Послание о Состоянии Общей Комнаты – обширное по содержанию, дальновидное по стратегии, вдохновляющее всех и каждого, – и направил его на рассмотрение в комитет. И хотя комитет рассматривал ситуацию со всех точек зрения – и происхождения различных проявлений беспорядка, и вопрос о том, кто лучше всего подходит для выполнения рекомендаций комитета, – мы по-прежнему в растерянности и сомнениях.

– Но в основном это твои вещи, – говорит он.

Он прав.

– Неважно! – говорю я.

В начале переговоров я, старший член комитета, предложил план, по которому Тоф, младший член комитета и младший по возрасту, а потому нуждающийся в ценных жизненных уроках, а также несомненно жаждущий доказать сверстникам свою храбрость и отвагу, займется уборкой гостиной не только на этот раз, но и на постоянной основе, – скажем, дважды в неделю, – получая взамен не только не облагаемые налогом 2 доллара, но также и гарантии того, что, если работа будет выполнена удовлетворительно и в срок, он не будет во время сна избит до бесчувствия старшим членом комитета. Младшему члену комитета, наглому и явно лишенному как здравого смысла, так и малейшего представления о двухпартийной системе, этот план не понравился. Он наотрез отвергает его.

– Ни за что, – вот его слова.

На что старший член комитета, в духе компромисса и необыкновенного милосердия, немедленно предложил альтернативный план, щедрый план, по которому Тоф, будучи юным и нуждающимся в развлечениях и физических упражнениях, будет регулярно убирать дом, но не два раза в неделю, а только один и получать за это не два доллара, а три (3!) доллара карманных денег в неделю, опять-таки не облагаемых налогом, а также гарантии того, что, если эти обязанности будут выполнены удовлетворительно и в срок, старший член комитета не закопает его по шею в землю на заднем дворе, оставив там беспомощным, способным только кричать, пока голодные псы терзают его плоть, начиная с головы. И вновь, демонстрируя свое упрямство и недалекость, Тоф отвергает этот план, на сей раз без комментариев – лишь закатив глаза. Его отказ рассматривать любое разумное предложение порождает содержательный диалог, отчасти воспроизведенный выше и продолжающийся:

– Ты в курсе, насколько ты отстойный?

– Нет, насколько? – спрашивает он, прикидываясь равнодушным.

– Очень, – говорю я.

– Прямо настолько?

Мы оказываемся в тупике: цель у нас общая, договориться, как достичь ее, мы не можем.

– Знаешь, что нам нужно? – спрашивает Тоф.

– Что?

– Слуга-робот.

Это не его вина. Вообще-то он мальчик более или менее аккуратный, воспитанный по системе Монтессори, среди старательных ребят и деревянных игрушек, но я, неряха, медленно и неуклонно переделываю его на свой лад, и успехи моего воспитания несколько пугают. У нас проблема с муравьями. А все потому, что мы до сих пор не усвоили разницу между беспорядком из разбросанных бумажек и беспорядком из остатков еды. Мы не выбрасываем недоеденное, оставляем тарелки с остатками в раковине, и когда я наконец приступаю к мытью посуды, мне приходится сначала смывать муравьев – этих крошечных черных муравьев – с тарелок и приборов. После чего мы опрыскиваем «Рейдом» муравьиную колонну, тянущуюся от раковины, через столешницу, по стене и уходящую под пол; когда приходят гости, мы, конечно, аэрозоль прячем – ведь это Беркли.

Кое-что нас мотивирует. Однажды к Тофу пришел его приятель Люк, которому уже исполнилось одиннадцать; едва войдя в дом, он сказал: «О господи, и как только вы тут живете?» Целую неделю после того мы драили весь дом, составили перечень всего, что требует починки, купили все необходимое. Но вскоре вдохновение испарилось, и мы вернулись к привычному образу жизни, бросая и оставляя все где попало. Если мы бросаем что-то в мусорную корзину и промахиваемся, предмет, а чаще всего это какой-нибудь недоеденный фрукт, остается лежать там, где приземлился, пока несколько недель спустя кто-нибудь – Бет или Кирстен – разыграв целое представление, не подберут и не выбросят его. Они беспокоятся о нас. Я беспокоюсь о нас. Меня беспокоит, что в любую минуту кто-нибудь – офицеры полиции, сотрудники органов опеки детей, инспектор медицинской службы, да кто угодно – ворвется в дом и арестует меня или примется высмеивать, называть дурными словами, а после заберет Тофа, поместит в дом, который содержится в чистоте, где вещи стирают как полагается и часто, где кто-то из родителей – или даже оба – умеют готовить и готовят регулярно, где не принято носиться по дому, тыкая друг друга палками, подобранными на заднем дворе.

Беготня и драки на палках – это, пожалуй, единственное, что интересует нас обоих и ущерб всему остальному. Каждый день мы проживаем вслепую, теряясь в вопросах, которые должны бы были уметь решать: как прочистить унитаз, как варить кукурузу, номер карточки социального страхования, дату рождения отца. Так что день, когда Тоф оказывается в школе, а я иду на работу и вовремя возвращаюсь домой, день, когда мы готовим ужин и садимся за стол до девяти вечера, а Тоф ложится спать до одиннадцати и у него нет под глазами синих кругов, что были весь прошлый год (откуда они взялись, мы так и не поняли), – каждый такой день кажется каким-то чудом, словно нам удалось выскочить из горящей машины или заставить статую Свободы исчезнуть.

* * *

К середине осени мы составили нечто вроде расписания. Рано утром, вскоре после того, как я ложусь спать – скажем, в три, или в четыре, или в половине пятого утра, – Тоф просыпается, тратит десять минут на душ, десять – на одевание, полчаса на то, чтобы приготовить и съесть завтрак и доделать уроки, дальше по меньшей мере три с половиной – четыре часа на мультики. В восемь сорок пять он будит меня. В восемь пятьдесят снова будит. В восемь пятьдесят пять будит в третий раз, и с криками, что он опаздывает, я везу его в школу. Я паркую нашу маленькую машину рядом со школой, на той стороне, где – как мне сообщили уже в четырех листовках и одном личном уведомлении, – посадка и высадка детей запрещена. После чего извлекаю из его рюкзака лист бумаги и сочиняю записку:

Уважаемая мисс Ричардсон,
весьма сожалею, что Крис опоздал сегодня к началу занятий. Я мог бы придумать что-нибудь насчет срочной встречи или болезни, но на самом деле мы просто проспали. Прикиньте.
С наилучшими пожеланиями,
брат Криса.

Мы всегда опаздываем, делаем все наполовину. Все школьные бумаги мне присылают дважды, и я с неизбежностью сдаю их не в срок. Счета оплачиваются как минимум с девяностодневной задержкой. Тоф всегда оказывается в составе спортивных команд последним и всегда в порядке исключения. Трудно сказать, в чем тут дело – то ли в обстоятельствах нашей жизни, то ли в моей неорганизованности – на людях я, конечно, всегда отстаиваю первый вариант. Наши взаимоотношения, по крайней мере в том, что касается условий и правил, удивительно гибки. Он обязан что-то делать для меня, потому что я его родитель, а я должен что-то делать для

него. Разумеется, когда меня призывают сделать что-то такое, чего мне делать не хочется, я не обязан этого делать, потому что на самом деле я ему не родитель. Когда что-то не делается, мы оба просто пожимаем плечами, потому что формально ни один из нас ответственности не несет; мы просто двое парней, – положим, братья, – но ведь мы даже не похожи друг на друга, что делает вопрос обязанностей еще более сомнительным. Но когда кого-то надо обвинить, он позволяет мне указать пальцем на него, и если начинает возражать, мне достаточно посмотреть на него, посмотреть тем особенным взглядом, который говорит: «Мы с тобой партнеры, маленький придурок, а вчера, когда я с ног падал от усталости и у меня глаза покраснелись от конъюнктивита, тебе понадобились эти чертовы карты для “Магии”⁵³, позарез понадобились, потому что во время обеда все приносили с собой новые карты, и потому что я и сам опасался, что тебя все засмеют, ты станешь чем-то вроде изгоя, потому что ты почти сирота, и уши у тебя смешные, и живешь ты в съемной квартире, и с возрастом у тебя может появиться тяга к оружию и военной форме, а то и хуже, однажды я застаю тебя читающим исподтишка “Куриный бульон для препубертатной души”⁵⁴ и оплакивающим свою судьбу; и тогда я оделся и пошел в тот магазин комиксов, что открыт до восьми, и мы купили две колоды карт – в одной оказалась голограмма, которая стала предметом зависти всего класса, – и жизнь твоя потекла легко, как прежде, без помех, при относительной популярности, в блаженной беззаботности», – и он уступает.

Сидя в машине перед входом в школу, я стараюсь заставить его обнять меня. Я обнимаю его за плечи, и притягиваю к себе, и говорю слова, которые повторяю очень часто:

- Твоя бейсболка воняет мочой.
- Ничего подобного.
- И правда, как воняет.
- Понюхай.
- Не собираюсь я ее нюхать.
- Надо ее постирать.
- Она не воняет.
- Воняет.
- С чего бы ей вонять мочой?
- Может, ты написал на нее.
- Заткнись.
- Не говори так. Сколько раз сказано, нельзя так говорить.
- Прости.
- Может, ты сильно потеешь?
- Что?
- Из-за твоего пота она может пахнуть мочой.
- Пока.
- Что?
- Пока. Я и без того опоздал.
- Ладно. Пока.

Он выходит из машины. Чтобы войти в школу, ему приходится стучать, и когда дверь открывается, секретарша пытается бросить на меня привычный негодующий взгляд, но в этот раз, как, впрочем, и всегда, я не смотрю в ее сторону, не вижу ее. Тоф исчезает за дверью.

---

⁵³ «Магия» (англ. Magic: The Gathering) – коллекционная карточная игра, созданная американским математиком Ричардом Гарфилдом в 1993 году, имеет звание «Самой популярной карточной игры». Партия представляет собой битву между волшебниками, которые разыгрывают заклинания, используют артефакты и призывают существ, изображенных на отдельных картах.

⁵⁴ «Куриный бульон для души» – серия мотивационных историй, основанных на реальных событиях. Каждая книга включает в себя 101 рассказ или эссе. Сегодня серия насчитывает свыше 250 наименований для разных целевых аудиторий.

По пути на очередную временную работу, которая ждала меня в этот день или неделю, – обычно в (дальне-) восточном районе изнемогающего от зноя Залива – я лениво раздумываю о благах домашнего обучения. Я все время жалуюсь, что он ходит в школу, где его учат бог знает чему и где меня нет. Я подсчитываю, что учителя изо дня в день видят его столько же или больше, чем я, и в этом есть что-то глубоко неправильное; меня охватывает ревность – к его школе, к его учителям, к родителям, которые приходят туда помогать...

Последние несколько недель я работаю в геологоразведочной компании, перерисовываю во всех деталях топографические карты с помощью допотопной программы для «Мака». Работа однообразная, но в то же время спокойная и размеренная, не требующая умственных усилий. В этом безукоризненно чистом офисе в Окленде, с кулерами, автоматами с напитками и мягкими коврами, не испытываешь ни малейшей тревоги. Можно устроить себе перерыв, сделать паузу на обед, можно взять с собой плеер, отвлечься минут на пятнадцать, походить, почитать... Блаженство. Временному сотруднику не нужно притворяться, что его волнует будущее компании, а компания не обязана притворяться, будто у нее есть какие-то обязательства перед ним. И в конце концов, когда эта работа, подобно почти любой другой, становилась слишком скучной, когда временный сотрудник научился всему, чему мог научиться, за 18 долларов в час, и когда оставаться там дальше становилось смерти подобно и означало полное отсутствие уважения к собственному драгоценному времени, – обычно это случалось на третий-четвертый день – примерно в тот момент задание и было закончено. *Идеально.*

Бет в темных очках приезжает на новеньком джипе и забирает Тофа из школы, и вторую половину дня он проводит в ее квартирке, лежа вместе с ней на мягком матрасе и занимаясь уроками, пока я не возвращаюсь домой. Мы с Бет тут же вступаем в жаркую полемику по жизненно важным и вечным вопросам: «Ты сказал в шесть». – «Я сказал в половине седьмого». – «Ты сказал в шесть». – «С чего бы это мне говорить в шесть?» – и покончив с этим, она оставляет нас наедине с нашим ужином.

С которым мы бы и не заморачивались, если бы можно было обойтись без него. Ни я, ни Тоф – хоть мать и воспитывала нас с разницей в тринадцать лет – никогда не проявляли интереса к еде, тем более – к готовке. И у него, и у меня все рецепторы атрофировалось к пяти-шести годам, удовлетворенные фруктовыми рогаликами и гамбургерами. И хотя мы вслух выражаем мечты о таблетке – одной таблетке в день, которая решила бы все наши вопросы с едой, – я признаю важность регулярного приготовления пищи, пусть даже понятия не имею, отчего это так важно. Так что готовим мы четыре раза в неделю – для нас это настоящий подвиг. Ниже следует меню, из которого мы выбираем. Почти все блюда составлены по образцу тех, что для нас готовила мать, когда мы были маленькими, при этом она предлагала более разнообразную и здоровую пищу нашему отцу, брату и сестре.

Гвардеец в соусе

(Нарезанное ломтиками филе говядины, обжаренное до черноты в соевом соусе, подается с тортильей и естся руками, для чего тортилья рвется на кусочки, в каждый из которых заворачивается один, два, от силы три куска мяса. Подается с картофелем фри, апельсинами и яблоками, разрезанными единственным разумным способом – сначала пополам, затем вдоль, примерно на десять долек – гарнир в отдельной тарелке.)

Цыпленок в соусе

(Нарезанная ломтиками куриная грудка, зажаренная до хрустящей корочки в соевом соусе, подается с тортильей (способ употребления тот же, что описан выше) и картошкой фри (внимание! только замороженный картофель фри марки «Оре-Ида» действительно становится хрустящим после жарки). В качестве гарнира так же нарезанные апельсины и яблоки.)

Жареный цыпленок

(Любезно предоставляется рестораном «Черч Фрайд Чикен» на углу Сан-Пабло и Гилман. Хорошо прожаренное белое мясо с крекерами и пюре, дома к нему добавляются салат айсберг и нарезанный огурец. Без соуса.)

Разваливающаяся стена

(Гамбургер средней прожарки с беконом и соусом барбекю из ресторана на улице Солано, где, следует отметить, используется слишком много соуса барбекю, который, как всем должно быть известно, мгновенно пропитывает булочку, так что она становится несъедобной и похожей на овсянку, так что гамбургер разваливается. Клиенты стараются спасти булочку: «Разделите их! Быстро! Очистите булочку от соуса! Отскребай! Отскребай!» – но все равно слишком поздно, и нужно держать дома запас булочек, которые хорошенько поджариваются, чтобы обеспечить максимальную устойчивость к разрушающим эффектам соуса. Подается с картофелем фри и фруктами – см. выше.)

Мексиканско-итальянская война

(Тако: говяжий фарш в соусе для спагетти, подается с тортильей, но без фасоли, сальсы, помидоров, сыра и гуакамоле и того белого сливочного вещества, что порой обнаруживается в иных, низших, реинкарнациях блюда. Подается с рогаликами и салатом айсберг. Без соуса.)

[На самом деле мы не называли ни одного из этих блюд. А если бы придумали названия, то казались ли бы менее или более крутыми? Мне кажется – менее.]

(Пицца «Пеперони». Из «Тумтона», «Пиццы Хат» или «Доминос», если перед ценой не устоять. С небольшой порцией готового зеленого салата.)

Старик и море

(Мороженные жареные моллюски «Миссис Поль», по пакету на каждого (3,49 доллара – недешево), подается с чипсами и дольками апельсина и яблока. Иногда с дыней канталупой.)

Гэвин Маклауд и Чаро

(Для него: жареный кусочек сыра «Крафт Американ», который кладут между двумя кусками ржаного хлеба, поджаренного на сковороде и разрезанного по диагонали. Для другого него: кусок сыра «Крафт Американ», завернутый в тортилью, поджаренный на сковороде. С ломтиками дыни канталупы.)

(Примечание: никакие специи не доступны, кроме орегано, которым слегка посыпаются два блюда: а) пицца «Пеперони» и б) нарезанный еврейский ржаной хлеб, который посыпается орегано и сворачивается вокруг, словно Тафнел⁵⁵ на концерте. Недоступны также овощи, кроме моркови, сельдерея, огурцов, зеленой фасоли и салата айсберг, подающихся в сыром и исключительно сыром виде. Недоступна пицца, плавающая в собственных экскрементах. Недоступны макаронные изделия, особенно та рыгаловка, которая называется лазаньей. Кроме того, от всех блюд, которые содержат более двух или трех беспорядочно перемешанных ингредиентов, включая сэндвичи – за исключением сэндвичей с сальсой – следует воздержаться. Все блюда подаются с большим стаканом молока однопроцентной жирности, на пол рядом со столом ставится кувшин с молоком для удобства регулярного долива. Альтернативные напитки недоступны. Все, что не упомянуто в меню, недоступно. Любые жалобы рассматриваются незамедлительно и со всей строгостью.)

– Слушай, мне нужна твоя помощь, – говорю я, когда мне нужно, чтобы он помог мне с готовкой.

– Хорошо, – говорит он и помогает.

---

⁵⁵ Найджел Тафнел – вымышленный лидер-гитарист рок-группы Spinal Tap (англ. Спинномозговая пункция) из псевдо-документального фильма 1984 года «Это Spinal Tap». Его сыграл актер Кристофер Гест.

Иногда мы поем, пока готовим. Мы распеваем обыкновенные слова, например, что надо добавить молока или приготовить соус для спагетти, но делаем это в оперной манере. Мы можем петь, как в опере. Это невероятно.

Иногда, пока готовим, мы сражаемся на мечах, используя деревянные ложки или палки, которые специально для этого приносим со двора. Это моя миссия, о которой я не говорю, источник которой иногда ясен, а иногда нет, – поддерживать движение, развлекать мальчика, держать его в напряжении. Какое-то время мы гонялись друг за другом, набрав в рот воды и грозя облить противника. Разумеется, ни один из нас не собирается плевать в доме, но однажды вечером, загнав его в угол на кухне, я не выдержал и облил его. С тех пор все только прогрессирует. Я измазал его лицо дыней, а грудь бананами, плеснул в лицо яблочным соком. Наверное, это была попытка показать ему – если это и без того не ясно, – что, как бы я ни хотел сохранить традиции родителей, нам также придется *экспериментировать*. И постоянно что-то придумывать, что-то необычное, бесконечный телемарафон. Мой внутренний голос – необыкновенно возбужденный, чирикающий голос – побуждает меня к веселью, даже к сумасбродству, неизменной бодрости. Из-за того, что Бет постоянно вытаскивает старые фотоальбомы, плачет, спрашивает Тофа, как он себя чувствует, я чувствую, что должен компенсировать это. Я превращаю нашу жизнь в музыкальный клип, игровое шоу с детского телеканала, – сумасшедший монтаж, невероятные ракурсы, шутки, забавы, *веселье!* Это кампания по отвлечению внимания и исторического ревизионизма, – листовки, разбрасываемые в тылу врага, фейерверки, забавные танцы, фокусы. *А это что такое? Смотрите! Куда он делся?*

На кухне, когда накатит вдохновение, я беру в руки фамильный семнадцатидюймовый нож для индейки, расставляю ноги циркулем, слегка приседаю и по-самурайски вскидываю нож над головой.

– Йааааа! – рычу я.

– Не надо, – говорит он, подаваясь назад.

– Йааааа! – рычу я, преследуя его, потому что угрожать детям ножом с семнадцатидюймовым лезвием очень весело. В лучших играх всегда присутствует опасность членовредительства или чего-то вроде несчастного случая. Например, когда он был малышом, и я бегал с ним на плечах, притворяясь, что у меня кружится голова, подгибаются колени и я вот-вот упаду...

– Не смешно, – говорит он, отступая в глубь дома.

Я опускаю нож, он со звоном падает в ящик стола.

– Папа всегда так делал, – говорю я. – Ни с того, ни с сего. Он придавал лицу угрожающее выражение и делал вид, что собирается отсечь нам голову.

– Звучит забавно, – говорит он.

– Да, это было забавно, – говорю я. – Это было действительно забавно.

Время от времени, пока мы готовим, он рассказывает мне о школьных делах.

– Ну, что там сегодня? – спрашиваю я.

– Сегодня Питер сказал мне, что надеется, что вы с Бет окажетесь в самолете и самолет разобьется, и вы оба умрете, как мама и папа.

– Но мама и папа умерли не в авиакатастрофе.

– Так я ему и сказал.

Время от времени я звоню родителям его одноклассников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.